

ВЕТЕР МЕЧТЫ
MYSTIC & FICTION

АЛЕКСАНДРА КОВАЛЕВСКАЯ

НОЧЬ ВСЕХ ПРОВЕРИТ

Александра Викентьевна Ковалевская

Ночь всех проверит

Серия «Mystic&Fiction. Ветер мечты»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55308459

Ночь всех проверит:
ISBN 978-5-907220-12-6

Аннотация

Эта планета очарует. Вы с удовольствием будете обонять запахи Ило Семилунного и наслаждаться живописными видами. Здесь никто не в состоянии отнять ночной покой у жителей экзотичного и щедрого мира. Вам скажут, что рай под семью лунами – не для каждого, но чужаку трудно поверить в это. Вот и опасности, пережитые героями на краю галактики, стали всего лишь началом испытаний. Следующий трудный экзамен ждал молодых покорителей космоса в джунглях Ило Семилунного. Они пытались выжить среди растений-метаморфов, но три ночи на планете – время, достаточное для того, чтобы понять: новый рассвет наступит не для всех...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	32
Глава третья	53
Глава четвертая	68
Глава пятая	89
Глава шестая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александра Ковалевская

Ночь всех проверит

*Наступает ночь – ты идешь распадаться на части,
из которых сон составляет свои фигурки,
управляет ими, как хочет: то дарует счастье,
то печалит, ломает: послушны они и хрупки.
[...]*

*А потом организм встрепенется на метке
«утро»,
но моменты сна ты в себе сохранишь, как
милость...*

*Просто дело в том, что ты снился еще кому-то,
и собрать все части у рассвета не получилось.*

Елена Асенчик

Александра Ковалевская преподает в Школе Искусств. Пишет в жанрах «история», «фантастика», «юмор». Уважает здравомыслие и практицизм. Считает красоту улыбкой мироздания. После романов о белорусском средневековье «Бод» и «Час змеев» у автора вышли сборники рассказов «Сто милливольт души» (совместно с В. Вознесенским) и «Одиннадцать историй». В 2016 году опубликован роман «Война Моря и Суши», победитель конкурса «Стопроцентная на-

учная фантастика».

© Александра Ковалевская, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Глава первая

Пилот

Закат солнца на Ило Семилунном завораживает. Это подтверждает даже Полная Галактическая Энциклопедия, издание, не склонное воспевать экзотику населенных миров.

На Ило Семилунном в вечерних потоках воздуха роятся мириады фосфоресцирующих насекомых. Оранжевые, ярко-голубые, белоснежные спирали лент, состоящие из крылатых хитиновых оболочек с крошечной жизнью внутри, устремляются в небо. Вверху ленты из насекомых закручиваются в петли и расцветают букетами: мотыльки-однодневки цитрозусы, поднявшись выше небоскребов, разлетаются прочь друг от друга и опадают, гаснут искрами в фиолетовых сумерках, оставляя после себя ощутимый аромат сандала с тонкой цветочной нотой. Это фиал, запах здешнего мира.

Дети засыпают первыми, стоит только фиалу проникнуть через окна, не нуждающиеся в стеклах в благословенном климате этой планеты.

Дети засыпают первыми.

Но не этот ребенок: он всю свою короткую жизнь провел на флагмане Звездного флота. Фиал для него просто аромат вечерней свежести. Просто запах, который мальчик, облокотившись о перила, впервые потянул в себя, дрогнул четко

очерченными маленькими ноздрями: раз, другой. И не зевнул, а наоборот – взбодрился от вечерней свежести.

Понадобится один-два суточных цикла, чтобы феромоны цитрозусов, мягко воздействующие на биохимию живых организмов, проникли в кровь чужака. Вот тогда маленький пришелец подчинится и начнет жить в потоке могучих суточных ритмов планеты. А сейчас время подумать, как самому не уснуть раньше мальчугана. Фиал, счастливый дар и проклятие Ило Семилунного, действует одинаково на все живое: люди и животные теряют активность и погружаются в сон. Ночь – время безумной, неукротимой растительной жизни. Местное приветствие «Ловенна б-вилана!» означает «Доживем до утра!». Но лингвопереводчик переведет его вам как «Здравствуйте!». А короткое «Б-вила!» – как «Привет!».

«Ловенна б-вилана!»

Можно представить, как удивится мальчик, увидев поутру оплетенный лианами, буйно цветущий город.

Лишь башни небоскребов, связанные путепроводами на высоте десятого этажа, будут указывать место, занятое столицей кантона – Вечного Мая. Но это будет завтра. А пока цитрозусы только начинают вечерний танец восхождения.

С прогулочной палубы летающего отеля удобно следить за полетом легкокрылых насекомых. Постояльцы, развалившись в шезлонгах, лениво загадывают, дотянется ли сегодня хоть одна лента цитрозусов до высоты, обжитой аэрограф-

тами.

В небе перетекают волнами закатные сполохи. Семь лун, выстроившись узким клином, восходят на востоке и спешат догнать последний луч солнца, полыхающий в разрыве темного, почти черного, облака с кромками из расплавленного золота. Такая же позолота догорает на шпилях столичных высоток, сияет и плавится на брюхах гигантских аэрокraftов, стартующих от посадочных платформ Небесной Лестницы. А тени островерхих небоскребов, непроглядные, ночные, уже полосатят крыши нижнего Вечнома.

Мальчик оставляет без внимания чашку узорчатого стекла, наполненную овсяным киселем с ложкой душистого меда, – местный поздний ужин. Столик-официант привез чашку и замер, ожидая, когда его отпустят. Я переставляю чашку на свой поднос. Делаю жест рукой – столик тонко отзывается хрустальным звоном и спешит дальше.

Взгляд мальчика обращен ко мне. Он живой и наблюдательный – я уже имел возможность убедиться в этом, он неумный в своем любопытстве:

– Почему ты говоришь «И Тимох Ррей, йло, полетел, оставив нас с глубоким вздохом»?

– Здесь так говорят, если очень огорчились.

Ребенок раскатывает букву «р»:

– Это неправильно! – горячится он. – Надо говорить: «Тимох Ррей полетел». Просто: «Тимох Ррей полетел». И все!

– Твой большой брат заставил всех поволноваться. Спасение белошвейки – слишком опасное дело.

Ребенок, я не скажу тебе, что тот, кого ты называешь братом, затеял игру со смертью.

– Спасение белошвейки – опасное дело? – спрашивает мальчик, настораживаясь. – Слишком далеко лететь? Корраблю не хватит ресурса, да, дедушка?

Я думаю, как объяснить ребенку жестокую правду. Или часть правды.

Да, скажу ему часть правды, так будет лучше:

– Не только в ресурсе дело. Уж если белошвейка попала в эпсилон-зону, то, считай, пропала.

Маленькие пальцы закрывают мне губы в нетерпеливом требовании замолчать.

– Я знаю про эпсилон!

Мой собеседник вертится в шезлонге, следит за фантазмагорией в закатном небе, крутит локон над высоким лбом, разговаривает, пяткой бьет плетеные прутья переносного лота – проверяет на крепость... Здоровый подвижный ребенок, хвала его неведомым родителям, мир им и светлая память.

– И про белошвеек я знаю все!

Улыбаюсь:

– Так и все?

– Так и все! – Он копирует мои интонации, умудряясь остаться верным произношению, бытующему на звездолете.

тах.

Он жаждет быть выслушанным и лицедействует, не жалея сил:

– Первая мастерица пропала! А кто отправит Звездный флот на Фомальгаут? Караван из тыщи звездолетов! Воолос стынет! – От меня подхватил «воолос стынет», вот жук!

– Звездолеты ждут и ждут! И тут появился мой брат и громко крикнул: «Я полечу в зону эпс! Я верну белошвейку, потому что я – мусчина!» А потом он сказал:

«Я ворррвусь в престрррашный эпс, и так, так и вот так!...» – Мальчик рубит воздух воображаемым мечом, делая бойцовые выпады. – Эпс схлопнется, выплюнет мастерицу, мой брат привезет ее обратно! И женится!

– А ты мастер придумывать! У твоего брата есть меч? Как у Меченосца?

– Он взял с собой. На всякий случай, – глазом не моргнув, отвечает маленький проходимец, подкинутый мне с флагманского корабля сегодня утром.

– И твой брат собрался жениться на белошвейке?

– А если она красивая? Придется жениться... – серьезно вздыхает мой подопечный. Он не лишен здравомыслия.

– Значит, белошвейка красавица? – интересуюсь я, отчаянно сопротивляясь дреме. Нужно потерпеть, пока этот живчик не утомится. Не может быть, чтобы фиал, властно действующий на меня, оказался бессилем перед трехлетним ребенком.

– Волос стынет! – припечатывает мальчик. – Брат сказал, у нее вот такие голубые глаза!

Судя по жесту, глаза белошвейки размером с местные яблоки. Действительно, красавица. Спасти такую – дело чести каждого настоящего «мусчины».

В соседних шезлонгах переговариваются двое, они слышали слова ребенка.

– Издержки профессии... – Первый, негромко.

– Я бы запретил авантюру с поиском того, что не может быть найдено ни при каких условиях. Зона эpsilon – побочный эффект искривления пространства-времени, вызванный работой белошвейек, какой смысл бросать в эту дыру пилотируемый корабль с офицером на борту?

– Согласен. Глупо тратить человеческие и технические ресурсы. Мы пока не в состоянии объяснить парадокс эpsilon-лон.

С меня разом слетает сонливость, и кровь приливает к лицу:

– Пропадают молодые девушки, настоящие профессионалы. Исчезают бесследно, не оставив после себя ничего, кроме воспоминаний. По-вашему, они недостойны помощи и участия?

– Конечно, конечно! – соглашается первый. – Молодые девушки... – он делает упор на «молодые», – их жалко, да. Но во всех концах вселенной постоянно гибнут люди, гибнут де-

вушки разных профессий, не только белошвейки. Несчастные случаи, аварии, облучения и болезни не щадят никого.

Второй, с острым профилем и бесстрастный, по виду эриданец, отзывается после паузы:

– Я бы не говорил о высоком профессионализме, когда речь идет о белошвейках.

– Сударь, вы сторонник автономных полетов на до-световой? – интересуюсь я.

– Понимаю ваш сарказм, уважаемый патриарх. Нет, я не из тех, кто хочет любой ценой сохранить космический флот в том виде, в каком он был сто пятьдесят лет назад. Автономные звездолеты с термоядерными двигателями навсегда отошли в историю, но я хочу сказать: не надо так носиться с белошвейками, дело того не стоит. Девушки – рядовая услуга космических перемещений. Работницы низшего звена, необразованные и, подозреваю, глубоко невежественные. Эта профессия собирает интеллектуально ленивых и лишенных амбиций выпускниц школ. Есть мнение, что участвовавшие случаи попадания белошвеек в зону эпс, как вы сейчас толковали ребенку, случаются именно из-за несовершенства навыков их первой мастерицы.

Я даже приподнимаюсь с ложа, хоть туристам не рекомендуется делать это в час, когда действует фиал, – на Ило Семилунном сон наступает мгновенно. Я говорю:

– Вас послушать, любой полководец древности, проигравший битву, – никудышный профессионал. Как и первопро-

ходцы большого космоса, жизни отдавшие за то, чтобы проложить дорогу к звездам!

Первый, с гладко бритым округлым лицом и мягким подбородком, возможно, землянин, спешит примирить нас:

– Не будем заострять тему, господа! Честное слово, волос стынет! – он белозубо улыбается и подмигивает моему мальчику.

Постояльцам летающего отеля есть о чем поговорить, кроме заурядного случая с пропавшей белошвейкой.

Парень, ты отправился в небытие, чтобы спасти «рядовую», по словам этих господ, работницу. Ты совершил большую глупость. Рыцарский порыв не обернется ни славой, ни почестями – как говорят здесь, «скроет трава до полуночи».

А эриданец хорошо встряхнул меня – сон как рукой сняло!

Эридан не дал звездному флоту ни одной белошвейки. Девушек по-прежнему вербуют на Земле из системы Солнца. Иногда их находят на Глизе и редко, очень редко – в секторах Фомальгаута и Кеплера.

Одна польза от этого разговора: фиал еще не поборол меня, а ребенок уже засыпает, устроившись в шезлонге в обнимку с длиннорылой мохнатой зверюшкой местного изготовления. И мне остается лишь затянуть ложе прозрачным колпаком, чтобы утренняя свежесть не нарушила сон мальчика.

Девушка хохотнула в ответ на шутку, ни на секунду не прерывая свое занятие: голова вполоборота, взгляд прямо и чуть вниз. Он видел ее плечи. Ниже, там, куда направлен был взгляд белошвейки, – сплошное мельтешение искр, как всегда. В челноках белль камеры установлены так, чтобы никто не мог видеть их работу.

Она резко, на полутоне оборвала смех.

Взмах обеими руками, кисти выразительные, говорящие – как у дирижера оркестра, и тень, изменившая лицо...

Теперь он понимает, что за тень. Это было прикосновение ужаса, не успевшего даже отпечататься на ее лице.

Первая мастерица канула в никуда, когда белошвейки наряжали караван на Фомальгаут. Тимох видел ее на экране, успел даже перекинуться парой шуток. Чудесная девушка с роскошной грудью, с кожей невероятного, почти мистического, бело-розового цвета, какая бывает только у потомков сорока поколений белой расы Земли. Милашка, стремительная в движениях и на язык такая же скорая.

Не было никаких побочных эффектов, ни звука, ни сполохов – ничего, что могло сопроводить катастрофу;

все произошло просто и буднично – словно между патрульным кораблем и челноком белошвейки резко прерва-

лась связь.

Тимох отшатнулся от монитора, осознав, что стал свидетелем гибели белошвейки. И, возможно, виновником гибели – ведь он заигрывал, когда девушка совершила роковую ошибку.

Тимох почувствовал холод у основания волос. Теперь ему предстояло жить с памятью о чужих последних мгновениях.

Волна горечи собралась комом в солнечном сплетении. Бездна, жалко глазастую!

А еще эта нить тахионов – она тянулась за пропавшей девушкой, и это значит, белошвейки чувствовали подругу и нервничали. Если они сработают наряд с изъянами, корабли рискуют выпасть вовне. Им придется начинать все заново, но во вселенной не существует и двух точек с абсолютно одинаковыми характеристиками, и потому повторить наряд невозможно. А безупречная чуйка – только у первой мастерицы.

В глубине экрана кубо-кубо четко виднелась нить между флотилией и кораблем белошвейки. Первая сделала почти невозможное – она умудрилась оставить след своего челнока, и она будет ждать помощи. Ждать... Если на изнанке вселенной вообще возможно ждать, если там существует такое понятие, как время...

«„Дорогу не выбирают“». Не согласен? Почему тогда чувствуешь, как она тебя зовет – дорога? Не сошел же ты с ума, капитан патрульной службы? Верный „Певень“, быстроход-

ный и маневренный, обжитый за шесть лет службы, будет потерян для флота, из зоны эпсилон еще никто не возвращался. Не будет почетного караула у конвертера, не будет белых перчаток на руках ребят твоего взвода. Не будет черных цветков в петлицах. И урны не будет. Да что говорить, даже строки в служебном некрологе – ее тоже не будет... Офицера, рванувшего спасти девушку, подведут под дюжину статей, разжалуют и предадут забвению».

Мог бы и не суетиться, утрясая юридические формальности: какой спрос с самоубийцы? Но кровь прабабушки эриданки – сильно разбавленная иланской, но все же, – заставила привести в порядок дела перед последним вылетом.

Семейный юрист неожиданно отказался переправить родственникам его документы. Ответил, отсекая возражения: «Вы сделаете все сами, когда вернетесь из эпсилон. А я пока спрячу их под кодами».

Оказывается, как просто – подарить человеку надежду на возвращение!

Тимох, расчувствовавшись, решил повидаться еще и с Петре Браге: старик сорок лет служил вместе с его отцом. Но больше грела мысль, что полковник способен дать дельный совет, не ударяясь в эмоции. Браге – один из немногих старых пилотов, кто не примкнул к движению «Сила» и, значит, лоялен к белошвейкам.

Для разговора Тимох оплатил закрытый канал связи, и канал открыли быстро, минуты через три. Тимоху повезло. И

вот на его приветствие отозвался полковник в отставке, словоохотливый и, несмотря на возраст, энергичный, с огоньком в глазах:

– Многих солнц, Тимох, мой мальчик, подскажи, что в твоём имени дальше, чтоб как по протоколу, – сочным баритоном произнес старый Петре. – Надо чаще встречаться: за пять лет, как я пустил корни на твоём Семилунном, редко выпадает случай проговаривать здешние пышные имена от начала и до конца.

Тимох кивнул:

– Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен, – отчеканил пилот. – Тимох, сын Рея, Гвен, сын Тимофея – у меня музыка, а не имя!

Полковник Петре Браге хмыкнул:

– Действительно, ловко! Занятно, как зазвучат иланские имена, когда у вас у всех наберется семь поколений предков. Вы же закрепили в законодательстве право каждого иланца носить семь имен по мужской линии, так? Седьмого колена на Ило в твоём роду ещё нет, но будет – дело молодое...

Белоснежные усы старика мгновенно поникли, как только он услышал, о чём Тимох толкует.

– Помнится, твоя дипломная работа касалась парадокса эпсилон, этого бельма в глазу астрофизики, этого пыльного кармана вселенной. Я прав? Надеюсь, у тебя любопытство теоретика? Парень, ты не собираешься стартовать в эпс?

Тимох сдержался, чтобы не кивнуть – это было бы ложью,

а перед прыжком в никуда не лгут. Он, сидя перед кубо-кубо, машинально отметил, что левый нижний угол экрана пульсирует слабым свечением: белошвейки не завершили наряд и энергия искривленных гравитационных полей перераспределялась, неконтролируемо «вытекая» в космос. Новой первой мастерице придется создавать иную торсионную схему; вряд ли незаконченный наряд удержит импульс, способный перебросить корабли на расстояние двухсот световых лет...

– О седьмом колене я, кажись, вспомнил преждевременно, – буркнул полковник, помрачнев. – Из эpsilon никто не возвращался. Никто. Парень, ты еще и наследника-то не оставил. Дай подумать. Нить к пропавшей белошвейке сохранилась?

Тимох подтвердил.

Старик молчал; пристально уставился на патрульного, закусив верхнюю губу.

Потом спохватился:

– Эх, я упустил, что ты оплачиваешь ради меня этот дорожный тариф, который мог бы с большей пользой потратить, секретничая с девушками... Мы не знаем, что такое темная область эpsilon и почему в ней исчезает лучшая мастерица. Но это еще можно оправдать. Когда-нибудь мы все поймем. А вот то, что мы не знаем и знать не желаем, кто такие белошвейки, – вот что непростительно! Не в этом ли причина неудач? ...Ты все решил? Да, вижу, тебя не остановить... Разве что выдать твои планы инспекторам безопасности. Не

напрягайся, парень! Мы с твоим отцом служили вместе, я не пойду против совести и против воли сына моего лучшего друга. Но прими совет: поспешай, не торопясь. Я свяжусь кое с кем на «Галере», центральной базе белошвеек, там тебя будут ждать. Примут и покажут все, что захочешь увидеть. Дальше – видно будет. Выполни мою просьбу, Тимох, побывай у Ксантиппы перед тем, как бликануть в эпсилон. Кса контролирует контакты белль с остальными гражданами Звездного Содружества.

Тимох подумал: «Ксантиппа? Сколько лет старушенции? Архаичные имена были модны век назад – Ксантиппа, Эрато, Мельпомена, Урания... Девчонки, названные в угоду моде, давно успели вырасти, состариться и умереть. Прабабушка, например. Ее звали Талия. Впрочем, если Ксантиппа – из белошвеек, то все может быть. Ничего невозможно знать наверняка, когда речь идет о белошвейках».

Старый полковник продолжал:

– А ведь я однажды заглянул в глаза белль... Не веришь?

– Да меня распирает от любопытства, полковник Петре!

Говорят, что лучше не заглядывать им в глаза.

– То-то же! История простая, но, знаешь, из тех, которые меняют тебя изнутри. Нет, дружок, я не летел спасать белошвейку. Я был всего лишь курсант академии, без корабля, без офицерского хлыста. В те времена я боготворил нашего генерала: верный, скажу тебе, служака, надежный мужик. На его попечении в то время находились три эфеба, значит, ге-

нералу было за пятьдесят. Первого эфеба разрешают ближе к тридцати, второго – лет через десять, сам знаешь. У вас так принято, и в нашем поколении велось так; закон-то для холостяков приняли давно... Нам продемонстрировали хороший тон в отношении к белошвейкам в рабочей, хм, ситуации. Девочки потеряли первую мастерицу, и в этот самый миг стайку их челноков швырнуло под дюзы маневрировавшего флагмана. Каким-то чудом, не иначе, защита белошвейкиных «Игл» выдержала тепловой и радиационный поток. Беспомощные корабрики переловили и доставили на флагман, разумеется, в грузовой отсек. Девушек пришлось извлекать: обшивка «Игл» расплавилась на полдюйма, замуровав бедняжек. Вскрыли челноки, чтобы извлечь тела, а там – белль. Перепуганы, но живехоньки. Как им это удалось – непонятно. У нас, помнится, много болтали об этом. ...Мы думали, что пострадавших девчонок ждет радушный прием. Молодые идиоты, мы мечтали приблизиться к ним, пожать им пальчики, еще чего – случай-то как раз подходящий.

Сколько суеты развели! ...Все оказалось гораздо прозаичнее. Наш папаша генерал был сдержан, говорил сухо, коротко; скользил глазами по подбородкам девушек и избегал встретиться взглядом со второй мастерицей.

Как сейчас помню эту красивую смуглянку с иссиня-черными косами невероятной толщины: словно могучие змеи, косы лежали у нее на спине. Волосы оттягивают голову девушки назад, и второй белошвейке нелегко держать подбо-

родок опущенным. Остальные крошки, хорошенькие, стояли слева от мастерицы: выровнялись обычной для белошвеек аккуратной шеренгой. И замерли, и тоже виновато опустили головы, сложили обе руки поверх юбочки, и вид их вызывал сочувствие у всех, кто знал, что им довелось пережить. ...Генерал отчитал вторую мастерицу, попенял ей на то, что корабли ждут и задержки недопустимы. Словно белошвейки в рабочее время сбежали в прогулочную оранжерею, забыв о своих обязанностях и высоком долге перед Звездным флотом... Помнится, он равнодушно козырнул, не замечая, как задрожали ресницы и пятнами пошло лицо второй белошвейки. Повернувшись на каблуках, сквозь зубы велел мне, адъютанту, подать угощение гостям. ...Я нес поднос с конфетами, чувствуя себя так, словно меня отправили кормить забавных зверюшек. На душе было погано. Нет, мой мальчик, на душе у меня было дерьмово, и руки дрожали от негодования. Будь на месте белошвеек любой из патрульных пилотов и выживи он в подобной переделке, ему бы не пришлось стоять, виновато опустив глаза, – его бы встречали как героя! ...Девушки не притронулись к сладостям. Я видел, они подавлены и робеют в чужом корабле. Еще бы: команда собралась, считай, полностью, а это сотни три мужских взглядов. ...В общем, я ссыпал конфеты в ранец – небось ты не успел еще забыть, как ранец ездил на твоём хребте пять курсов подряд?..

– Конечно, не забыл, – вставил слово Тимох.

Полковник Петре одобрительно хмыкнул.

И снова предался воспоминаниям:

– Я повесил ранец на плечо девчонки, стоявшей в шеренге последней. А потом отбыл наказание по полной, за разбазаривание амуниции.

– Ого! – отозвался Тимох, понимая, на что решился молодой Петре Браге. Ранец курсантам разрешалось всегда держать при себе, а его вместилище было единственной приватной территорией, проверять которую мог только офицер и без свидетелей, один на один с бритоголовым мальчишкой в тоскливой коричневой униформе. Отдать свой ранец – это поступок! Будущий полковник Петре ради белошвеек лишил себя личного пространства. Тимоху доводилось видеть в Академии, как ребята молятся, засунув голову в ранец, а случалось, плачут. И никто не трогает курсанта, пока он прячет в ранце лицо.

– Вот откуда я знаю Ксантиппу. Юная Кса замыкала шеренгу: этакая, знаешь ли, рыженькая куколка с прямой спинкой, совсем еще девчонка. Ей и достались сласти, а еще мой связник. Да, связник с кибернитовой начинкой – подарок родителей – оставил. С конфетами. Разволновался и забыл его в ранце. С тех пор, где бы ни были, мы с рыженькой куколкой выходим на связь и отмечаем новое рождение Ксантиппы и девочек. А мастерица-смуглянка вскоре умерла. Чуть позже я узнал, отчего. Она, умница, в той передрыге закрыла своим челноком остальные кораблики белошвеек, отдав

приказ выстроить «Иглы» за ней точно в линию. И приняла львиную долю излучения из флагманских дюз. Торсионное поле каким-то образом защищает корабли белошвеек, но для второй мастерицы отсрочка составила всего несколько дней... Вот так-то, парень. ...Отменной реакции этих девочек может позавидовать любой пилот. Их стойкости и мужеству можно слагать гимны. Их сообразительность ставить бы другим в пример, а полеты «Игл» разбирать на тактических учениях! ...Может, я не прав, и твой покойный отец не сказал бы мне спасибо, но я уважаю твой выбор!

Изображение начало дрожать: время сеанса истекало.

– Слушай, сынок! Я вот что подумал... – Полковник Петре Браге засуетился, стараясь успеть, пока не прервалась связь:

– Оставь-ка мне своего маленького эфеба, если доверяешь, конечно. На Семилунном малышу должно понравиться. Мы вместе дождемся твоего возвращения. А не то придется тебе выжидать, когда караван снова прибудет в систему Ило-Соло, а на это, знаешь сам, уйдет года три, и эфеба отдадут в другую семью – малышу ведь нужна семья. Это я так, советуюсь с тобой, Тимох, сын Рея, внук Гвена-Тимофея. Конечно, решать тебе.

Тимох поспешно кивнул в экран:

– Спасибо, полковник Петре! Вот уж не ожидал! Действительно, мальчику будет лучше на Ило. И мне... – он проглотил комок, – будет к кому возвращаться...

Он был благодарен старику за поддержку. Мысль, что с приемышем придется расстаться, его угнетала.

Тимох пообещал:

– Я отправлюсь на «Галеру» прямо сейчас. Ты успеешь предупредить свою знакомую? И скажи, Петре, все, что плетут про «Галеру», – выдумки?

Петре Браге хитро сузил глаза, так что они утонули в глубоких морщинах:

– Мол, кто попал на «Галеру», там и умрет?

– Типа того, – настороженно хмыкнул Тимох.

– Не про тебя сказано! – с непонятым выражением в голосе ответил Браге. – Чего опасаться тому, кто собрался в зо...н...у... э... – истаял его голос вместе с истаявшим каналом связи, распылившим в пустоте космоса последние сигналы.

Тимох прикинул, сколько часов в его распоряжении. Получалось, времени вполне хватает, если обновить ресурс корабля не на флагмане, а на заправочном узле «Галеры».

Он повернул кубо-кубо и произнес в глубину экрана: «Галера».

Всемирная Галактическая Энциклопедия на мгновение дольше обычного копалась в бездонной электронной памяти и наконец выдала ответ: «Галера – морское судно, на котором для передвижения использовали подневольный труд. Название произошло от „каторга“ на одном из древних языков планеты Земля». «Каторга...» Энциклопедия вывалива-

ла все новые ссылки, но Тимох решил, что ухватил главный смысл, и занялся делом. Задал кораблю новый курс – на «Галеру», а это три часа лету. Если двигаться на поглотителе, прибудет минут через тридцать. Полеты на поглотителе небезопасны в то время, когда для флотилии создается наряд, но сейчас – не тот случай. Мастерница потеряна, работы остановились, а значит... Значит, можно рискнуть. Тимох привел в движение пилотское кресло, нажатием кнопки выдвинул утопленный в панели пульт поглотителя и ускорил свой «Певень».

Кто еще не видел работу белошвеек? Нужно быть очень заинтересованным, чтобы так откровенно убивать время. Придется долго наблюдать за суетой их челноков, бликующих в черноте космоса. Крохотные кораблики, узкие и длинные – точь-в-точь иглы, – шустро двигаются вокруг флотилии. Пока мечется этот планктон, огромные крейсеры ленивыми рыбами зависают в пустоте и флегматично ждут, когда вселенная привыкнет к ним, примет и унесет в немыслимо удаленную, заданную шестью координатами точку. Непомерные в своем тщеславии, эти воплощения ночного кошмара архитектора, с порами входных шлюзов для малых служебных кораблей, превосходящих их в маневренности и скорости, крейсера только и способны перемещаться между планетами на первой досветовой. Хотя с некоторых пор и первая досветовая обсуждается как устаревшее техниче-

ское условие для этих гигантов. Белошвейки вполне могли бы двигать крейсера от планеты к планете, и могучие когда-то космические корабли стали бы просто контейнерами для грузов и пассажиров. Лишь память о былой славе да старшее поколение ветеранов флота, непримиримое к подобной идее, удерживают радикалов от перемен.

Тимох застал время раскола Звездного флота на две группировки: противников белошвеек, обеспечивающих перемещения, и защитников этих самых создательниц пространственных туннелей.

Кубо-кубо тем временем выдал картинку.

Сейчас не только на экране «Певня», – на мониторах всех кораблей медленно проступало изображение наряда для флотилии. Это станет главной темой всех новостей, и визоры будут повторять на все лады: «Вселенная приняла нас! Скоро откроется путь на Фомальгаут!»

Но о белошвейках не скажут ни слова.

Тимох изучающе вглядывался в графику свернутых и закрученных плоскостей наряда. Серьезный недостаток поглотителя в том, что до прибытия в заданную точку ты бессилен повлиять на движение корабля. При таком раскладе недолго вылететь вовне... Тимох свернул хлыст кольцом и выдохнул в петлю – на удачу.

Зря беспокоился: судя по схеме на экране, «Певень» бликовал далеко от внешних границ пространственного туннеля. Наряд в этот раз немудрящий: крупные плоскости соеди-

нены трассами-пунктирами, волны энергетических кружев – без них редко обходится. В прошлый раз к Эридану флот отправляли «в ежовых рукавицах», энергии было столько, что она выбивалась яркими спицами по всему контуру наряда и тамошнее кружево выглядело устрашающе колючим.

Теперь верхняя часть схемы помечена красным пятном: работа не закончена, там запрещенная для полетов зона.

Полюбовавшись на результат трудов белошвеек, пилот забил данные искривления пространства-времени в бортовой компьютер.

«Мир прогнулся под нас!» – свистел он в ритме шлагера, выполняя рутинную работу: откорректировал курс корабля с учетом близкого пространственного прогиба, чтобы больше не возвращаться к этому.

Патрульный корабль Тимоха, раскрученный, как пуля на вылете из ружейного ствола, выбило из туннеля-поглотителя слишком близко от «Галеры».

Пилот глянул в экраны внешнего обзора, и ленивую ослабленность с него как ветром сдуло. Тимох живо «исполнил стаккато»: пальцы обеих рук пронесли над пультом управления, и «Певень», чудом не столкнувшись с «Галерой», ушел в тень; пилот лишь мельком увидел Ило-Соло, и солнце скрылось за огромным искусственным планетоидом – центральной базой белошвеек.

Обсидианово-черная причальная полоса, размеченная шлюзовыми камерами входов, огибала экватор «Галеры»,

уходила в перспективу и сливалась с бархатом космоса.

«Корабль гораздо больше, чем на схеме!» – с досадой отметил Тимох.

Ему пришлось спешно заложить еще один вираж, огибая ржавую мачту антенны, дрейфовавшую рядом с «Галерой».

– Йло, похоже, эту часть навигационной схемы не проверяли лет сто! За сотник «Галера» неплохо подросла, – процедил пилот сквозь зубы, лавируя на бешеной скорости. – Стулотеры из службы навигации могли бы подсуетиться и перепроверить размеры кораб. . . Ля! – добавил он, потому что с базы белошвеек в самый напряженный момент пришла рассылка услуг местного электронного навигатора.

Тимох быстро сообразил, что в его положении лучше не отвергать рассылку, и позволил местному лоцману вести «Певень».

Лоцман мгновенно включился в работу, «Певень» снова поменял курс, и оказалось, что между реальным планетоидом и схемой в кубо-кубо «Певня» – китовая разница.

«Галера» была как гигантская рыба, круглая с головной стороны и сильно вытянутая вдоль продольной оси. Постепенно сужаясь, корабль базы белошвеек заканчивался чем-то наподобие рыбьего же хвоста – расходившимся далеко в стороны плоским шлейфом, состоящим из конструкций с решетчатым переплетением и вмонтированных в эту решетку радиоантенн, телескопов и устройств непонятного назначения. Шлейф явно появился позже самого корабля, и его

никак не обозначили на «внешних» картах, что было странно. Тимох успел рассмотреть разбитый в лом челнок с логотипом «крикунов» из «Службы Сенсаций» и подумал, что охотники за горячими сплетнями вряд ли добрались до места назначения.

Еще подумалось: не слишком ли много совпадений? Словно все делается так, чтобы как можно меньше внимания привлекать к белошвейкам.

Тем временем из сот решетчатого «хвоста» взлетела крохотная яркая иголка, за ней – еще одна. Они бликнули так стремительно, что Тимох не признался бы и самому себе, что ему не померещились юркие челноки белошвеек.

Причалы «Галеры» обозначались белыми светодиодными контурами вокруг рабочих входов и оранжевыми вокруг «функционально ненадежных», попросту – заброшенных шлюзов. Оранжевых жаберных щелей больше. Эта рыба-кит оказалась не слишком-то здорова.

Через каждые десять шлюзов на обшивке корабля повторялась эмблема белошвеек: нагая женская фигура, за ней извилистые змеевидные лучи, исходящие из одного центра. Руки и ноги белошвейки раскинуты звездой, все тело вписано в окружность, словно молодая женщина устойчиво расположилась внутри обруча, упираясь в обод ладонями и ступнями.

Пилот подумал, что галерцы слишком старательно подновляют эмблемы – единственное, что надраено и блестит на

шершавой коже планетоида, повидавшего время и космос.

Тимох выбрал исправный стыковочный модуль, ввел «Певень» внутрь и позвонил неизвестной Ксантиппе.

Оставалось надеяться, что полковник Петре не подвел и успел сообщить о его визите.

Глава вторая

Белошвейки

Вскоре он увидел эту госпожу.

Ксантиппа оказалась величественной и прямой, как колонна, словно космофлотская мода на антики наградила ее не только именем, но и статью кариатиды.

Госпожа белошвейка выглядела намного моложе, чем ожидал увидеть Тимох. (Если эта дама ровесница покойной прабабушки Талии, то она неплохо сохранилась!) Платье Ксантиппы водопадом складок мягко струилось до щиколоток. На «Галере», оказывается, женщины, по крайней мере такие, как наставница белошвеек, носили платья...

Волосы Ксантиппы, по словам Петре Браге, когда-то рыжие, прятались под высоким и сложным, с множеством заломов, головным убором, и выяснить, какого они цвета, не представлялось возможным. Атласно-белая перевязь спускалась с головного убора, закрывала подбородок и, несколько раз оборачиваясь вокруг шеи, оставляла открытым только породистое лицо Ксантиппы. Это лицо было обращено в сторону патрульного офицера: госпожа вежливо дожидалась гостя у входа в лифт. Лифт оказался внутренней пневмокабиной, и они ехали, поворачивая и петляя, все выше и выше. А затем Ксантиппа увела своего гостя в помещение, которое

назвала рабочим кабинетом.

Тимох с любопытством принялся рассматривать рабочее место наставницы белошвеек. Он находился внутри цилиндра – высокого и просторного, даже чересчур просторного, чтобы служить обыкновенным кабинетом. По верхнему краю замкнутой в круг стены тянулись завитки серебряного и золотого цвета, тонко разделенные чернью, и повторялись, образуя плетистый орнамент. Обстановка помещения устарела, но была элегантно красива, как все, что сделано на заре межгалактических перемещений. В центре пустого, в общем-то, кабинета стояла пара легких сидений, тоже украшенных орнаментальным тиснением, да перед ними в полуметре от пола зависла на прозрачном постаменте подставка для стержней многоканального голографического кубо-кубо.

Тимоху дали понять, что это – архив, хранилище данных.

Кубо-кубо плеснул цветами спектра, и патрульный увидел, как кабинет до отказа заполнился изображениями.

В воздухе густо ткались голограммы девушек и женщин, занятых работой где-то, возможно, по всем палубам корабля.

Тимох определил «Галеру» как гигантскую швейную мастерскую. Выбирая картинку и увеличивая ее, он разглядел символы планет, сопровождавшие изображения работниц. Оказывается, Ксантиппа имела доступ к данным, собранным со всех населенных миров.

– Наши швейные производства, – скупомолвила

неразговорчивая госпожа Ксантиппа. – Что конкретно вы хотите узнать, офицер?

– Я хотел бы понаблюдать за работой девушек...

– Вы хотите наблюдать или вникнуть?

– У вас найдется оборудование для быстрого погружения в суть дела?

– Я легко могу это устроить, офицер, – с легким пренебрежением пожала плечами госпожа. – Но зачем вам?

– Ищу дело по душе... – осклабился Тимох и понял, что неприятно уязвил главную белошвейку. Теперь отступить некуда. Он скрепился и настоял на том, чтобы его ввели в суть производства одежды.

Ксантиппа кивнула, причем Тимоху померещился злорадный блеск в ее глазах.

Она потребовала разуться и обнажить ступни.

Перспектива разуться смутила патрульного, он не привык видеть ноги вне пилотских ботинок. Пилоту, как мальчишке, захотелось сбежать, но он сдержался и стал выполнять распоряжение госпожи: щелкнул замками на щиколотках, затем расшнуровал и стянул с ног офицерские берцы.

Ксантиппа водрузила ему на голову глубокий закрытый шлем, поднесла небольшой баллон и распылила сенсорные датчики. Микродатчики с едва ощутимым электрическим покалыванием облепили тело пилота, особенно густо приклеившись к кистям рук и ступням. Инициатива патрульного капитана закончилась тем, что Тимоху довелось пережить

смену за швейной машиной, лишь после этого, и ни минутой раньше, симулятор оставил в покое его мозг.

Он сначала неловко, но потом все более сноровисто подавал раскроенные заготовки под иглу, прокладывая строчки разного вида и назначения. Взмах, заготовка ложится под машину, выворачивание, припосаживание или собирание складок: быстро, быстро, еще быстрее... Он переходил на скоростные машины-оверлоки, которые коварно тянули ткань, резали край и забивались, требуя чистки и заправки. Не сразу, но он приноровился к работе на оверлоках и довольно ловко обметывал края заготовок. Потом спешил на другую машину и вшивал окантовку; вставлял застёжки всех видов, втачивал рукава, подлаживал и крепил на одежду магнитную ленту; расстрачивал швы, закреплял края коротким стежком... Он ломал иглы и заменял иглы. Он рвал машинную нить, портил сточку, порол шов – что оказалось невероятно долгой и самой нудной работой. Он неловко рассыпал заготовки, и приходилось заново сортировать и раскладывать их, тщательно следя, чтобы не сшить ткани разных оттенков. Он подбирал порванную нить, соображая, как заправить ее заново, щурясь, тянул нить сквозь систему пыльных наэлектризованных ходов-отверстий, у каждой машины своих. Ругался, сознавая, что цех укомплектован бросовым старьем и всю эту швейную машинерию пора на слом...

Строчил, строчил...

Когда Ксантиппа смилостивилась и сняла шлем симуля-

тора с патрульного пилота, голова Тимоха отяжелела, спину, кисти рук и ступни, тоже занятые в работе, сводило от напряжения. Утомила монотонность процессов. В довершение всего, от постоянного всматривания глаза его устали и нещадно болели.

Тимох почувствовал, что утомлен, нет – совершенно измочален работой, которую привык считать простой. А ведь это – всего лишь одно занятие на тренажере!

Ему стало тоскливо от мысли, что женщины обречены на такую работу всю свою жизнь. Тот, кто давал имя этому космическому кораблю, хорошо знал значение слова «галера»!

Ксантиппа протянула ему табличку и несколько мелких кредиток. Тимох даже не сообразил, что получает первое жалованье в качестве швеи. Оказывается, тренажер отметил потенциал новичка. За смену Тимох способен сшить 4 костюма, 20 % дневного плана – в настоящий момент это предел его возможностей.

– Сколько?! – Тимох присмотрелся к цифрам, осознав ничтожность затраченных усилий. Объем работ, который делали женщины в швейных цехах, был огромным. От них требовалась высочайшая дисциплина и сосредоточенность. Пилот не выполнил и четверти дневного задания. Тимох подумал о профессиональном спорте, например, пентатоне, в котором отточенность движений и их скорость оплачивались очень и очень высоко.

Он произнес:

– Это невероятно тяжелый труд. Сколько девушкам платят за их работу?

Ксантиппа не стала скрывать.

– Что?! – Тимох снова не удержался от удивления. – В вашем ведомстве все в порядке? Труд ваших девушек по интенсивности можно сравнить с работой пилота рейсового погрузчика, но ребята так выматываются не всегда, разве что в день аврала перед стартом флотилии.

И пилот погрузчика – одна из самых высокооплачиваемых профессий! А что я вижу здесь?

Он ткнул офицерским хлыстом в жалкую цифру в нижнем углу «Технологической карты», где был расписан цикл выполнения изделия по операциям с указанием секунд, которые отводятся на каждую часть работы. Цифра внизу обозначала стоимость пошива одной мужской рубы.

Сказал возмущенно:

– Нет, я понимаю: это число прирастает разными надбавками, увеличиваясь раз в... – Тимох прикинул обычную схему начисления вознаграждения: – Раза в два увеличиваем, считаем... но все равно, доход девушек пустяковый! Смешной заработок! Недостойный заработок!

– Офицер, здесь указана конечная плата за труд швеи, – ответила Ксантиппа. – Девочкам нужно много, очень много работать, чтобы обеспечить себя едой.

Тимох замолчал, пораженный.

А потом недоверчиво расхохотался:

– Обеспечить себя едой?! На кораблях эскадры нет голодных! Еда, тепло, свет, воздух и средства защиты положены любому по праву рождения.

– Значит, на «Галеру» эта привилегия не распространяется... – прошелестела госпожа.

Тимох резко хлопнул в ладоши.

Изображения работающих женщин, наполнявшие пространство кабинета, истаяли, расплывшись искрами.

Ответ Ксантиппы его шокировал. Все увиденное противоречило привычным представлениям об обществе Звездного Содружества.

Это была совсем другая реальность.

Это была «Галера».

Ксантиппа оценивающе смотрела на патрульного, совсем недавно собиравшегося лететь в неизвестность за пропавшей мастерицей. Тимох выдержал ее взгляд. Он твердо решил составить собственное мнение о белошвейках.

«Галера», какую ему показали, не вязалась с романтическим представлением о принцессах космоса. Может, члены партии «Сила» говорят правду и белошвейки всего-навсего «операторы космических перемещений» – работницы низшего звена? И тайны зоны эпсилон не существует вовсе, а есть обыкновенная халатность туповатой девчонки, занятой созданием наряда – пространственного туннеля? И высокие напряжения космических энергий иногда приводят к тому, что первая мастерица исчезает бесследно...

Нет. Все-таки он должен сам разобраться и сделать выводы.

Он повесил на спинку стула именной хлыст, что, в общем-то, делать запрещено – хлыст всегда с офицером, но внутреннее уставное правило вряд ли знают на «Галере».

Проницательная госпожа правильно оценила его жест.

Он почувствовал это по вежливому движению век и кивку горделивой головы.

Ксантиппа вызвала старую, как и сам корабль, но вполне бодрую тележку с припасами, извлекла из ее недр пенал с чайными принадлежностями, крохотный заварочный чайник, две чашки и уютный подогреватель с живым огнем, плясавшим маленьким веселым божком внутри керамической грелки. Чашки были небольшие, но все же крупнее кукольного чайника.

Госпожа по-хозяйски плеснула заварку на дно чашек и разбавила ее кипятком из водогрейки. Струйки пара поднялись от жидкости, заигравшей всеми оттенками зеленого. Ксантиппа поместила чашки на теплую поверхность подогревателя и стала помешивать напиток палочками трех видов по очереди. Эта часть церемонии, неизвестная патрульному пилоту, вызвала у него живейший интерес. Сначала госпожа пустила в ход черную палочку с небольшой лопаткой на конце. Погруженная в чай палочка задымилась, источая запах дерева, породу и происхождение которого пилот знать не мог. Затем Ксантиппа воспользовалась зелено-бе-

лой парой палочек, задерживая их в чашках и встряхивая. От помешиваний зеленый цвет жидкости стал насыщеннее, переходя от салатового к малахитовому, и тем сильнее проявлялся ни с чем не сравнимый аромат напитка.

Пилот с удовольствием потянул воздух носом: так пахнет нежнолист из системы Сириуса. А чашки, судя по росписям, местной работы – с Ило Семилунного. Почтенной белошвейке кто-то шлет такие дорогие подарки? Уж не полковник ли Петре Браге? Молодец, седоусый!

«Узнать бы еще, как в серой массе забитых и бесправных швей находят мастериц, – размышлял Тимох, смакуя чай. – Не просто умелиц, но белошвеек – звездных принцесс, повелительниц торсионных полей».

Любезность никогда не бывает лишней в общении с женщинами.

– Как вам живется? – спросил он госпожу после паузы, стараясь быть обходительным, и с наслаждением потянул в себя богатую оттенками вкуса жидкость, а потом вернул хрупкую чашку, которую держал одним пальцем (больше не помещалось в крохотном фарфоровом ушке) на подогреватель.

Нежнолист истаял во рту, оставив яркое послевкусие на языке.

– В целом они довольны, – ответила Ксантиппа, тоже под впечатлением от чая, и повела головой в сторону пестрого роя изображений, медленно вращавшихся по спирали над

спицами кубо-кубо.

Она явно гордилась дорогим угощением, которое подала гостю.

Тимох снова посмаковал чай, заодно полюбовался на семь улыбающихся лун на боку расписной чашки и заметил, что госпожа, как те луны, находится в самом наилучшем расположении духа. Тимох украдкой глянул на себя в отражении столешницы. Только он в счастливой компании лун и Ксантиппы сидит насупленный.

– Вы говорите, они довольны? Они, работающие за еду?

– Здесь есть и другие.

Он повел ногтем по расписному ободу чашки.

– А эти, другие, работают за еду и одежду?

– И зрелища, – медленный кивок горделивой головы.

Тимох запрятал глубоко внутрь горький сарказм:

– Я предполагаю, на «Галере» некому читать книги? Никто не путешествует, не исследует новое, не совершает открытия, не занимается спортом, не интересуется искусством, не творит?

Ему пришло на ум космофлотское поверье: «Белошвейки не умеют читать, берегут чуйку».

Госпожа ответила:

– Зачем? Здесь есть кубо-кубо, и люди, заполняющие кубо информацией и развлечениями, адресуют свой труд и нам тоже. Этого недостаточно?

Патрульный капитан почувствовал, что ментально залип.

«А Петре Браге хитер! Коварен, как фиал Ило Семи-лунного!» Полковник знал, что делал, когда отправил его к Ксантиппе. «Смотри, любуйся, патрульный пилот Тимох! Ты рвешься спасти одну из этого сонма рабочих муравьев, бросив доверенный тебе участок космоса и подчиненных ребят. Ты ставишь на кон карьеру и честь офицера, свой корабль, свою жизнь! Хорошо подумай, стоит ли того смазливая девочка».

– Жизнь приобретает смысл только тогда, когда мы ее делаем сами, – дерзко заявил он.

– Вы знаете, как это можно было бы устроить на «Галере»? А кто будет одевать людей?

Тимох потер лоб ладонью и признался:

– Я почему-то преувеличивал роль синтезаторов в этом деле...

– Синтезатор – статусная игрушка. Эффектная настолько, что очарованные пользователи забывают о себестоимости вещей, сделанных синтезатором. На четыре костюма, которые вы, пилот, сшили бы за смену, синтезатор израсходовал бы половину дневного ресурса такого корабля, как ваш «Певень».

Он согласился. Госпожа умела считать, и в здравомыслии ей не откажешь.

– Я всегда был уверен, что именно из швей выбирают белошвеек. Хм, и я не один на кораблях Звездного флота думаю так, – признался он величественному профилю госпо-

жи.

– И что вас разубедило в этом? – невозмутимо ответила Ксантиппа, уловив сомнения в голосе гостя.

Тимох открыл было рот, но тут же захлопнул.

Похоже, его разыгрывают.

– Вам не понравилось то, что вы увидели? – повернула к нему голову Ксантиппа.

– Да! – резко ответил пилот, наплевав на вежливость, и опустевшая чашка в его руке жалобно звякнула о столешницу сервировочной тележки, из недр которой тотчас же вытянулся гибкий щуп и утащил чашку – обследовать на наличие трещин.

– «Растут цветы в садах и в землях диких...» – задумчиво произнесла госпожа. Она цитировала кого-то, Тимоху неизвестного. Но смысл он уловил.

Ксантиппа продолжала:

– Ваше предположение правильно, офицер. В этой части космофлотские слухи не врут. Белошвеек действительно выбирают среди обыкновенных работниц, это главное и непреременное условие, и это положено не нами. Чтобы стать белошвейкой, девушка сначала должна научиться безупречно шить. Это традиция. Она должна стать мастерицей еще до того, как будет выбрана в белошвейки. Невозможно предугадать заранее, какой наряд ей доведется творить. К тому же швейное дело собирает женщин с определенными, существенными для работы с торсионными полями качествами.

«Белошвейки, в понимании пожилой госпожи, став хозяйками торсионов, продолжают заниматься шитьем?» – подумал Тимох. Забавно! Не просто забавно – смешно! Нелепо до комизма. Одно дело – назвать непомерно длинные и остроносые корабли белошвеек «Игла», другое дело – с серьезной миной убеждать офицера, выпускника Академии, что мастерицы реально заняты сшиванием гравитационных полей! Это все равно, как если бы прошивка индивидуальных аппаратов для связи на планетах на самом деле выглядела бы как застрачивание, собирание в складки и выворачивание электронных микросхем.

И ведь нечего возразить... Во всех поисковых системах информация о работе белошвеек ограничивается космофлотским фольклором.

Он иначе поставил вопрос:

– Скажите, как вы определяете, кто из швей сделает карьеру?

Кубо-кубо засиял, разбрасывая во все стороны крохотные смерчи искр. Ксантиппа позволила изображениям девушек снова заполнить весь объем кабинета и произнесла:

– Думаю, у вас тоже получится обнаружить ту, которая может стать белошвейкой. В этом нет ничего сверхъестественного. Внимательно наблюдайте за всеми девушками и сообщайте мне, если что-то остановит ваше внимание.

Тимох вернул хлыст на запястье, развернул стул так, что тот занял место в самом центре кабинета, уселся задом напе-

ред и принялся вглядываться в женские изображения. Ему показалось... нет, через некоторое время он уверился, что девушки отупели от работы. Их лица не выражали ничего, кроме усталости и безразличия; веки были полуопущены, что старило их и добавляло сходства с механизмами. Работницы сосредоточенно всматривались в то, что привычно делали их руки, подавая ткань, стремительно вертя под иглой и доставая отшитую часть.

– Эти ваши девушки... немного не такие, как женщины Звездного флота. Не могу понять, в чем отличие...

Они э-э-э... я не могу подобрать слово для человека, который покорно и терпеливо сносит свою участь...

– В старину таких называли «смиранные» и «кроткие», – охотно подсказала госпожа потеплевшим голосом.

– Кроткие, – посмаковал слово Тимох. – Еще я не вижу рисунков на их коже. Да, точно! Девочки не могут себе позволить татуировки, или это какая-то религия?

– Ни то, ни другое. Эти девушки уже прошли первый отбор по внешним признакам. У них нет искусственных знаков на теле. Меченые не годятся. Метка – знак принадлежности, инициации. Белошвейка должна быть с нетронутой кожей, – изрекла Ксантиппа. По ее тону Тимох догадался, что она говорит о заурядном украшении тела как о чем-то, что мешает работать с торсионными полями.

Изображения таяли, уступая место новым.

Вот девушка с крашеным хохолком вьющихся волос на те-

мени и бритыми висками. Она время от времени мечтательно поднимает глаза, и ее лицо приобретает ждущее выражение. Наверняка там, куда смотрит девушка, «окна» – виды местной планеты на экране, и она заглядывается на пейзажи.

Тимох взглянул на Ксантиппу.

Госпожа поворотом головы дала понять – по ее мнению, гость должен был разглядеть будущую белошвейку. За неимением лучшего, Тимох указал на девчонку с хохолком волос:

– Кроме этой мечтательницы или лентяйки, не вижу ничего интересного.

– Вы угадали. Она ловкая девушка, в работу вникла быстро. Зря укоротила волосы, – зачем-то добавила Ксантиппа. – Один малый перелет назад ее завербовали на звездный флот и отправили на «Галеру» – сейчас как раз готовят новую группу белошвеек. ...Еще хотите поучаствовать?

Тимох кивнул и снова занялся поиском белошвейки.

Ничего не складывалось.

У большинства девушек были сосредоточенные лица, лишенные всякого выражения. Две девчонки болтали... нет, переругивались – значит, сидят в одном цеху. Где-то, возможно за сотни парсеков, по цеху ходила статная женщина с венком каштановых кос на голове, приветливо склонялась к швеям, садилась за их машинки, помогала беднякам, зашившимся окончательно, поднималась и шла дальше. «Наставница. Хороша! Но в белошвейки ей поздно», – решил Тимох.

Появилось изображение девчонки в старомодных наушниках. Она с охапкой заготовок шустрой козой скакала от машинки к машинке, улыбалась и шевелила губами, наверное, напевала. Остальные лица не запомнились в сонме изображений. Терять было нечего, Тимох показал на девчонку в наушниках.

Ксантиппа удостоила его похвалы.

– Вы на правильном пути! – сказала она. – Впрочем, вы проглядели Настасею («наставница» в венке каштановых волос) и эту девушку. – Она указала на одну из двух ругавшихся малолетних мегер.

– Сключная белошвейка? – рассмеялся пилот.

– Нет, другой случай, – спокойно разъяснила Ксантиппа. – Прямодушная и честная девочка, в настоящем времени – одна из лучших мастериц. Вы видели, как она отстаивала свое мнение. Она рано осиротела и оказалась на «Галере» благодаря социальной программе, но сберегла в себе лучшее, что успела дать ей семья.

– Я так понимаю, в белошвейки попадают те, кто не успел окончательно отупеть?

– Мы отбираем индивидуальности. Дальше выбирают ОНИ, – госпожа выразительно отвернулась, недовольная выводом гостя, и отправила тележку с чайным прибором прочь из кабинета.

Тимох решил, что беседа закончена и больше он не добьется от Ксантиппы ничего, что могло бы ему пригодиться

в поисках мастерицы.

Откланялся с мыслью, что побывал в женском цветнике, но так ничего для себя и не вынес. Нежно-розовая пышно-грудая белошвейка нуждалась в помощи, а он бездарно трагил время...

Но перед входом в лифт запоздалая догадка заставила пилота развернуться, и Тимох пошел, почти побежал – обратно. К госпоже. Ксантиппе.

Он успел много раз обругать себя за то, что поздно додумался до такой простой мысли: путеводная нить – тахионный след рабочего корабля белошвейки, – ведь она, эта нить, видна не только пилотам Звездного флота!

Если зона эпсилон – реальность, то нитью должны интересоваться подружки пропавшей и, прежде всего, вторая мастерица! Если же путеводная нить их не интересует, то верно говорят противники белошвеек: на самом деле изнанка мира – выдумка, новое название того, о чем раньше говорили «слепой случай». А зона эпсилон – легенда, прижившаяся на Звездном флоте.

– Госпожа Ксантиппа! – сказал, запыхавшись, Тимох и козырнул. – Понимаю, что просить об этом не вправе, но все-таки, скажите: есть ли шанс для такого, как я, наблюдать работу второй мастерицы на месте, в ее челноке? Запрещает ли это ваша традиция?

Бесстрастная Ксантиппа на этот раз не стала скрывать удивление:

– Зачем это вам, молодой человек?

– Чтобы в следующем воплощении не тратить впустую отпущенное мне время жизни и разгадать тайну зоны эпсилон!

Тимох философски вздохнул.

– Ваше полное имя, пилот?

– Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен.

– Так. Четвертое поколение поселенцев Ило Семи-лунного. Вас назвали в честь прадеда-первопроходца, именуют старым вариантом имени. Будьте добры, офицер, напишите, как на самом деле звучало имя вашего прадеда? Если семейная традиция сохранила фонетику произношения.

– Конечно! – как само собой разумеющееся ответил Тимох. – Меня зовут так, как звучала краткая форма имени Тимофей. Это, знаете ли, один из языков планеты-матери, мне нужно использовать два регистра, кириллицу и латиницу. На вашем кубо это возможно? Вижу, есть. – Он набрал: «Цімох».

– Молодой человек, я знаю кое-что именно об этом языке. Немного, но знаю. Могу перевести название вашего патрульного корабля.

– О?! – только и нашелся офицер.

– Певень – это птица, возвещающая зарю. Птица живет на Земле, и с птицей связано множество легенд. Певню приписывалось свойство разгонять ужасы ночи.

– Певень будит солнце! – вставил Тимох, не скрывая гордости за свой корабль – он любил «Певня» за все, и за слав-

ное имя тоже.

– А еще у этой птицы задиристый и упрямый нрав.

– Это по мне! – хохотнул Тимох.

– И еще певень – хозяин и защитник стайки самочек, – поддержала Ксантиппа, про себя подумав: «Надо же, как все складно!»

Патрульный отшутился:

– Вот и я давненько подумываю, не переименовать ли во семь кораблей моего взвода в «Курочек», да по номерам?

– Молодец! – ответила старая белошвейка. Метнула на пилота оценивающий взор, ее губы дрогнули и уголки рта растянулись. Тимох не сразу понял, что госпожа удостоила его улыбки.

– Ваши предки, судя по имени, все с Ило Семилунного?

– Одна прабабушка эриданка.

– Похвально. Вы искренни и честны, как все жители Ило. Плюс эриданская кровь в ваших жилах... Интересное сочетание... Впрочем, теперь мне многое понятно: вы последовательны в своих намерениях, и я обязана вам помочь. «Певень», «Певень»... – Госпожа в задумчивости словно покатила слово на языке и буркнула в сторону: – Надо же – певень!

Сделав пилоту знак молчать, Ксантиппа выкрикнула имя в пустоту ячеистого цилиндра кабинета:

– Анна! А-ан-на! Анна? Анна-а-а!!! – повторила, словно распевая, на разные лады.

– Я нужна вам, госпожа Ксантиппа? – ответил четкий и чистый женский голос холодноватого тембра, обволакивая звуком пилота и старую белошвейку. Тимоху показалось, у него завибрировали не только ушные перепонки, но и диафрагма.

– Анна, девочка моя, пожалуйста, если ты близко, прими у себя офицера патрульной службы...

– Патрульный офицер Звездного флота капитан Тимох, сын Рея, сына Гвена-Тимофея! Ило Семилунен! – бодро крикнул Тимох, рассчитывая, что будет услышан обладательницей голоса.

– Я уже рядом, – ответил льдистый голос после трехсекундной паузы. – Швартоваться буду в зоне тридцать.

– Откуда прибыла? – спросила Ксантиппа.

– Вы застали меня за орбитой Темного Ило.

– Молодец! – отозвалась Ксантиппа, как будто мгновенное перемещение челнока на два с половиной парсека из-за орбиты внешней планеты – обычное дело. Вроде как прыгнуть со ступеньки на ступеньку.

«Ай да белошвейки!»

– Здравствуйте, капитан Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен. Меня зовут Анна, мой челнок ждет вас у семнадцатого причала, зона тридцать. Карантин не нужен. Код доступа не нужен, я встречу вас.

Гм, эта льдинка так сразу повторила его имя? И ничего не перепутала? По крайней мере, она не лишена музыкального

слуха!

Тимох поспешил к причалу, гадая, как выглядит вторая белошвейка? То, что она не похожа на пропавшую белль, он знал совершенно точно.

Глава третья

Глаза в глаза

Вторая белошвейка – строгая, правильная.

Открыла входной шлюз, кивнула головой вместо приветствия, поправила блестящие косы и вернулась к работе в прозрачной сфере, миниатюрной копии здешнего сектора космоса. В пути от кабинета Ксантиппы до семнадцатого причала Тимох, волочась в допотопном галерском ау-то, тормозившем на каждом повороте туннелей, обдумал, как объяснит свой визит. Но шагнул в диафрагму входа «Иглы-2» и почувствовал, что фонтан красноречия перемкнуло.

Он уставился на девушку с оливковой кожей, пытаюсь определить, что именно так поразило в ее внешности?

Черты лица второй белошвейки были мелкие, но абсолютно пропорциональные для ее небольшой головы, длинной шеи и тонкого гибкого тела с выраженным, как у гимнастки, прогибом спины и прямым разворотом плеч. Глаза ее он не мог видеть из-за манеры белошвейек не поднимать взор на собеседника. Эти глаза, полуприкрытые нежными веками, обрамляли густые и совершенно прямые ресницы. Поэтому лицо Анны казалось поделенным на две части: лоб и переносица хорошо освещены, затем частокол – ресницы и еще более длинные тени от них, лежащие на гладких щеках,

а под горизонтальной чертой ресниц – крепкий кукольный подбородок и сочные, твердо сжатые губы.

Тимох промямлил дежурное приветствие.

Опахала ресниц нетерпеливо качнулись, вернулись в горизонтальное положение, и Тимох почувствовал досаду от того, что девушка перед ним так и не взглянула в лицо своего гостя.

Патрульным пилотам больше, чем кому-нибудь в Звездном флоте, везло на видеоконтакты с мастерицами. Прямых взглядов во время видеосвязи не было, но пилот мог наблюдать белошвейку в движении, видеть ее глаза, когда белль поворачивалась вполборота или смотрела в сторону, и Тимох ни разу не чувствовал барьера между собой и принцессами-белошвейками. А на этом свидании все пошло не так. Его впустили, но впустить – не значит принять.

Он сидел в кресле, на которое указала Анна, притихший и растерянный.

Текли минуты.

Кубо-кубо «Иглы-2» показывал музыкантов, темпераментно пиливших смычками электронные инструменты. Виолончель, больше похожая на вензель, по мнению Тимоха, должна была с минуты на минуту развалиться в руках полуголой виолончелистки, помнившей о своих ногах в блестящих чулках больше, чем об инструменте.

Запись шла беззвучно, а где на этом корабле звуковая система, патрульный не определил. Он сунул палец в голограм-

му кубо-кубо и прослушал несколько пассажей, сделавшихся слышными только для него. Музыка и впрямь звучала грозно, не зря скрипач напрягал скрипку и раскачивался: исполняли марш Монтекки и Капулетти Прокофьева. Тимох прочитал это. Сам он никогда не слышал такую тему.

Он вынул палец из кубо, откинулся в кресле и еще подождал.

«Анна, Анна, Анна», – повторял Тимох про себя, томясь в чужом корабле от вынужденного безделья.

Что делает белошвейка – непонятно. Кисти рук снуют туда и сюда, подбирают что-то едва различимое, прикладывают, подтягивают или припосаживают. Что можно шить в звездной сфере? Как этот замысловатый танец пальцев связан с торсионными полями? Сейчас она словно перебирала незримую нить, осторожно подтягивая ее.

Крохотный челнок второй белошвейки назывался «Игла-2».

Естественно, как же еще ему называться?

Логотип с названием маячил светодиодным кругляшом на всех приборах. Начинка «Иглы» кстати, супер. Ее обслуживал квантовый «АДРОН». Тимох не поверил глазам, уставившись на крохотные черные буквы и ряд цифр – марку белошвейкиного кормчего. Интересно, многие ли знали об этом? «АДРОНов» во всем Звездном флоте – по пальцам пересчитать. Если быть точным, вообще никто их не видел, говорили только, что они имеются на кораблях эскадры. Вот,

значит, на каких кораблях...

Тогда получалось, Ксантиппа не верила в его, Тимоха, возвращение. Капитана патрульной службы не впустили бы в челнок, на котором, словно обыкновенная хлебопечь, установлен легендарный супермозг. Раз пилот допущен лицезреть «АДРОН», значит, его заранее записали в покойники – эти ребята, с присягой или без, никогда не выносили важные секреты.

Патрульный «Певень» – отличный корабль, но довольствовался стариной «ЮН-3». А «ЮН» не шел ни в какое сравнение с «АДРОНОм», оперирующим троичным кодом. Что происходит в недрах «АДРОНа» – знал только Великий Космос. Возможно, правы те, кто утверждал, что эта штука-вина способна напрямую общаться с мирозданием.

Тимох вздохнул.

Пока вопросов только прибывало.

И вопросы непростые, и касались они не только пропавшей мастерицы.

«Ан-на-а-а»...

Имя второй белошвейки звучит гулким колоколом.

Наверное, потому что юбка у нее – колокол.

Белошвейки – они такие, носят исключительно юбки. Половина анекдотов у космофлотских связана с редкими, как дождь в пустыне, появлениями белошвеек на кораблях эскадры.

Шутят...

Понятно, насчет чего шутят. Кружева под подолом и прочие тайны...

Диковатые белошвейки ходят гуськом, все, как одна, длинноволосые, юные да в юбках, – поглазеть на них не бежит только слепой и безногий. Но подойти боятся. Эти скромницы управляются с торсионными полями, а торси за-просто швыряют дюжины кораблей через полгалактики, и потому Устав предусматривает особый регламент общения с белошвейками. Только командир звездолета может вести переговоры и улаживать рабочие ситуации с ними. В отсу-тствие командира – только его помощник.

Анна.

Анна... Русые косы перевиты лентами и скреплены парой ярких пластиковых зажимов для совсем мелких девчонок.

Тимох пялился на русые косы и на зажимы с дурацкими пластиковыми жуками.

Жуки, все четыре, по двое на косу, ехидно скалились ему. Еще бы жучарам не скалиться – ледышка совсем забыла о своем госте.

Стоило пилоту подумать об этом, белошвейка оглянулась, выдвинулась вместе со стулом из звездной сферы и повер-нулась к нему:

– Здесь есть игры, есть видео и есть душ, капитан Тимох Рей Гвен Тимофей.

– Тебе можно просто – Тим.

Она отбрила его заход:

– Можете провести время с большей пользой, пока я заканчиваю работу. Я спешу.

Тимох покраснел.

««Я спешу! Капитан, умойтесь! Я приготовлю для вас свежий кружевной наряд!..» – «слушай, ты, малышка, теперь-то уж точно я сделаю все, чтобы вернуться из эпс, и анекдотов о белошвейках станет больше – клянусь!»

Тимох хотел остаться на месте, но вспомнил острые пикиресницы и украдкой обнюхал пилотскую форму. И правда, пора в душ...

Когда покинул кабинку, обдавшую его веселенькой радужной пеной, почувствовал, что благоухает из-под заношенной униформы как надушенный мяо.

Белошвейка все шила.

Тимох утомился вежливо ждать.

Наконец она остановилась. Пилот не мог не заметить, что девушка измотана долгой работой. Недавно он сам прошел каторгу за швейной машиной и теперь очень даже понимал белошвейку.

Анна провела ладонью по лбу, сдвинув прядь волос. Сказала, избегая прямого взора:

– Боль по Мриечке не стихает. – Она произнесла это сдержанно. – Прошло шесть часов после ее исчезновения, я не прекращала работу больше, чем на минуту. Я пыталась спасти ее, но у меня ничего не вышло.

– Я верну тебе подружку! – брякнул Тимох и украдкой

поморщился от фальшивого мажора в собственном голосе.

Ученые ссылаются на...

В бездну всех ученых! Хоть одной пропавшей девчонке помогли их заумные теории?

Нельзя огорчать белошвеек. Это не прописано в Уставе космофлота, а надо бы. Жирным курсивом: «Берегите белошвеек! От них зависит слишком многое!» И ведь, йло, все это понимают. Чувствуют истинный расклад сил, но не говорят. Храбрятся, но не признаются, что с настороженностью относятся к девушкам, которых торси выбрали себе в хозяйки.

Патрульный, кивнув на экран, произнес:

– Почему складки пространства легли так, а не иначе? – Спросил, чтобы перевести разговор.

И прикусил язык.

Белошвейки не знают, что творят, имеют право не знать, не их ума дело. Считается, что девушки воображают будущий наряд и снаряжают корабли, как придумают. Белошвеек до сих пор вербуют больше на Земле. Что-то особенное наследуют девушки, рожденные на планете-матери, с которой началось заселение космоса. В былинные времена мастерицам было проще; они из поколения в поколение повторяли ритуальное двухмерное шитье, напутствовали уезжавших: «Скатертью дорога!» – и для путешествий по двухмерной плоскости этого хватало. Наверное.

Должно быть, хватало. Конечно, это была всего-то поэ-

зия их жизни, какая там наука, но... Кто может знать точно? Древние секреты уже не раз открывали заново...

Анна вернула его в настоящее:

– Вас интересует природа гравитационных складок?

Тимох спрятал удивление:

– Ты знаешь начала астрофизики?

И как теперь быть со слухами, мол, белошвейки едва умеют читать – берегут чуйку?

– Мы с Мриечкой хотели учиться и самостоятельно готовились по учебникам.

Он кивнул.

А нечего ответить – белошвеек не ждут в вузах Звездного Содружества. Хорошая шутка: ученая белошвейка. Таракан-философ. Рыба-астроном...

– И что же вы с Мрией поняли из учебников для высшей школы?

– Гравитация – это искривление пространства и времени под влиянием массивных объектов. Любая планета на орбите находится в искривленном пространстве, окружающем звезду. Планета движется в этом пространстве, как шарик в колесе рулетки. Энергия материи всегда трансформируется в энергию искривленного пространства-времени. Энергия переходит из одного вида в другой, но не исчезает. Так учил Эйнштейн.

Анна солидно (Тимох хмыкнул – прям будущая госпожа Ксантиппа!) направила ресницы в сторону миниатюрной ко-

пии здешнего космоса со звездой Ило-Соло в центре:

– Возле каждой звезды мы имеем искривленное пространство-время с заключенным в нем колоссальным количеством энергии. С помощью этой энергии, организовав особым образом торсионные поля, мы действуем на объекты вселенной, приближая их.

Тимох выронил хлыст и чуть не подавился доброй порцией жвачки, которую мочалил во рту, спасаясь от скуки:

– Типа вы приблизили к системе Ило-Соло Фомальгаут с планетами?!

– Немного не успели. Но вы все правильно поняли.

«Правильно понял?! Ну, спасибо, белль!»

Некоторое время Тимох молчал, переваривая новый факт – белошвейки не глупы. По крайней мере, белль первой триады.

Спросил вторую мастерицу:

– Ты должна занять место Мрии?

– Если торсионы примут меня как замену.

Пилота неприятно кольнуло воспоминание о том, что у эмблем на боках планетоида «Галера» были слишком разные женские лица. Портретное сходство с погибшими белль, что ли? Анна с большой степенью вероятности может разделить судьбу подруги. А его уже не будет рядом...

Они снова помолчали.

– Анна, почему Мрия не смогла организовать пространство... там?

Белошвейка влажно блеснула на него густо-синими глазами, а Тимох даже и не вздрогнул (а ведь каждый юнец проживал возраст горячих мечтаний о контакте с прелестной белль). Только удивился: почему-то не думал, что у второй мастерицы глаза – синего цвета, как небо ее планеты.

– Мрия беременна, – прошелестела голосом Анна. – Я уверена: что-то случилось. Должно быть, роды начались раньше времени. Все так неудачно совпало – и это страшно. Этого не должно было произойти! Только не с Мрией! Несчастный малютка – родился, чтобы погибнуть...

Пилот снова растерянно замолчал, не в первый раз за этот день.

«Такое, значит, бывает и у принцесс...»

– Зачем вы об этом спросили? – Анна была расстроена, губы кривились, голос дрожал, опухшая ресниц потемнели и потяжелели от влаги. – Почему вы здесь? Что привело вас к нам? Вы пишете исследование?

Уязвленный Тимох вскочил, жарко залившись краской до кончиков ушей:

– Мой «Певень» отправится в эpsilon по следу мастерицы, как только будет закончена его дозаправка. Я не успею надоесть тебе, белль. Мне остался час.

Мокрые от слез глаза Анны расширились. Белошвейка отпрянула в смущении:

– Простите, офицер! Ради великого космоса, простите ме-

ня! Попытки спасти белошвейку делали так редко!

О нас предпочитают забыть. В последний раз за мастерницей отправился Рудуш, пилот «Рамакришны», это было много лет тому назад. Но мы все помним. Мы храним имена смельчаков в своей летописи, девушки вплетают их в кружево нарядов.

– Что ж, извини. Прибавлю вам, девушки, работы. Я иланец, а у иланцев традиционно длинные имена. Да ты и сама знаешь...

Анна быстрым движением ладоней вытерла мокрые ресницы, похлопала себя по щекам и неожиданно распорядилась:

– Пойдемте!

Увлекла Тимоха к сфере и подтолкнула внутрь. Можно сказать, ткнула в звезды носом.

Он невольно зажмурился: «А вдруг звезды... того... колючие?» У пилота были на это кое-какие основания: «АД-РОН» поддерживал в сфере космическую проекцию невероятной четкости и детализации. Тимох удивился, что каким-то образом различает знакомый рой звезд, он мог даже назвать его: поток Арктура. Разные по возрасту звезды летят в нем со сходными скоростями и в одном направлении. Вокруг этих газовых костров не нашлось годных для колонизации планет, но поток Арктура входил во все учебные программы, потому что более пятидесяти его неметаллических звезд когда-то были захвачены Млечным путем, поглотив-

шим чужую галактику. Теперь эти звезды двигались прямо перед лицом пилота.

Патрульный офицер шагнул внутрь, сквозь поток Арктура, ближе к Дагону и Флаю – планетам Фомальгаута, остерегаясь бесчеловечной яркости альфа Денеба и каким-то невероятным образом охватывая взором галактику с далекими Солнцем, Кеплер и Глизе, окруженными выводками планет, бету Пегаса с Беллерофонтом и сонмы других звезд и планет Млечного Пути. Затем сердце пилота дернулось высоко, к самому горлу. А он – он провалился.

Вниз.

В бесконечность космоса.

Тимох стремительно падал сквозь галактики и туманности, ускоряясь все больше и больше, близкий к обморочному состоянию от невозможности дышать. Хозяйка «Иглы-2» обняла его, прижалась к спине. Женское тело, руки белошвейки, крепко обхватившие торс и сомкнутые на животе пилота, были реальными и горячими. Как только он сумел осознать присутствие белль и обуздать животный ужас, страх внезапного падения отступил, словно Тимох проснулся и прервался кошмар.

«Эй, патрульный, хоть под самый занавес, но к тебе клеится суперская девчонка, чувствуешь? – подумал Тимох, стяхнув наваждение. – Еще как чувствую!»

Осмелев, он положил свои ладони поверх сцепленных пальцев Анны и вслушался в то, что над самым ухом гово-

рила белль, обращаясь к кому угодно, но явно не к пилоту.

Оказывается, Анна знакомила звезды с ним.

– Этот человек полетит вдоль нити на границу мира и дальше. Он летит за Мрией! – решительно заявила белошвейка.

Сфера рванулась навстречу всеми звездами, скоплениями, парсеками пустоты, квазарами и туманностями – они вдвоем летели обратно, но страха уже не было. Когда крохотное солнце Ило-Соло снова засияло в дюйме от лица, Тимох понял, что все во вселенной вернулось на свои места и пришло в равновесие.

– Уф-ф! – облегченно вздохнула Анна, выдергивая пилота из сферы так же быстро, как затолкала внутрь звездной проекции. Она продолжала поддерживать его сзади: пилот покачнулся, не сразу восстановив равновесие.

Тимох, которого слегка подташнивало, отметил показания часов на борту челнока. По ощущениям, падение длилось несколько мгновений и таким же секундным было возвращение, на деле же полет в пустоте обернулся четвертью часа реального времени, и ему пора возвращаться на «Певень».

Белошвейка сказала:

– Хорошее начало! Офицер Тимох Рей, я оставляю эскадру Звездного флота и последую за вами. Я буду наряжать «Певень» столько раз, сколько понадобится для того, чтобы осторожно вторгнуться в эпсилон. Если вы сохраните нить,

я придумаю, как вернуть вас обратно.

Тимох, ошалевший от внезапного приключения, плохо слышал ее напутствие.

Он разглядывал губы белошвейки и крупный жемчуг зубов. Он помнил горячее кольцо ее рук и подумал, что не прочь провалиться в звездную бездну еще раз. Только чтобы снова – в обнимку...

Опомнился, когда Анна указала ему на выход:

– Офицер, вам пора. Мне надо работать.

До Тимоха не сразу дошло, что это – все.

Оказавшись перед входной мембраной, он обернулся и понял, что не уйдет. По крайней мере не сейчас, когда хозяйка, забыв о госте, стоит к нему спиной.

У ног белошвейки лежала снятая юбка-колокол. Под юбкой оказалась еще одна: тесные складки, обшитые чем-то волнующе пышным, похожим на перья с брюшка иланских лебедей. Вторая юбка тоже пала долу, открыв взору то, что привело Тимоха в полное восхищение. Анна расстегнула застежки на плечах, и остатки одежды скользнули вниз. Белошвейка вошла в звездную сферу, нетерпеливо пульсировавшую, словно любовник, в томительном ожидании.

«Стоять!» – приказал себе патрульный. «У тебя есть время! Времени у тебя – навалом!» – за сердце весело отчитался пульс пилота.

Девушка в сфере расплела косы, мотнула головой, и каскад волос плеснул, рассыпаясь, закрыл плечи, лопатки, лож-

бинку вдоль позвоночника. Полукружия ягодиц совершенной формы мелькнули и исчезли за ширмой волос. «Какая жалость!» Волосы стали наэлектризовываться – иначе трудно объяснить то, что теперь каждый по отдельности волос, словно волнистый луч на эмблеме, исходил из общего центра – головы мастерицы, испуская свет. Тимох убедился, что эмблема на кораблях белошвеек, знакомая каждому пилоту, – абсолютно реальное изображение, хоть принято считать ее символической.

Тело второй мастерицы стало вращаться вокруг оси, и вот она уже неразличима в сиянии лучей-волос.

Вскоре в сфере блистало солнце по имени Анна.

Тимох вышел в задумчивости. Он на всякий случай проследил, закрылся ли входной люк. Люк закрылся.

Тревожный зумм заставил насторожиться. «Внимание! Корабль готов к старту!» – предупредили системы челнока. Тимох поспешил уйти подальше от причала номер семнадцать; здесь не предусмотрены многослойные защитные барьеры...

Бравый «Певень» с обновленным ресурсом, готовый к вылету, ждал с противоположной стороны гигантской базы белошвеек.

Но кто попал на «Галеру», там и умрет.

Тимох умер, едва разблокировав вход в свой корабль.

Глава четвертая

Рывок в эпсилон

Что-то толкает в левое плечо. Тупо, настойчиво, молча. Толкает. Голове больно, больно плечу. Я ерзаю на скользкой закругленной поверхности, съезжаю вниз, чувствуя, что ступни поднялись выше головы, и от перемены положения тела мне стало легче. Сколько времени я валяюсь здесь?

Левое колено уперлось во что-то; опора подо мной рывком приходит в движение, я резко опрокидываюсь на бок, тело само реагирует на изменения: снимаю ладони с краев гладкой поверхности, группируюсь, а на меня наезжает тяжелое, твердое, теснит справа, наваливается, грозясь расплющить. Движущаяся поверхность подо мной снова дергается и опрокидывается. Я вываливаюсь, как из чаши, инстинктивно откатываюсь, освобождая место, куда немедленно падает тяжелое и твердое, наехавшее на меня.

Открываю глаза.

Мрак.

Во мраке видна лишь пара узких светящихся дуг, да и то их перекрывают большие и малые геометрические силуэты, слабо угадываемые в темноте. Знакомые запахи. Странно, сколько их, разных, собралось в этом месте! Меня решительно и в полном молчании ощупывают. Есть что-то нелепое в

хватании человека за самые неожиданные места на теле, я догадываюсь, что многопалая мягкая клешня принадлежит складскому роботу. И окончательно прихожу в себя. По желобу погрузчика я попал внутрь корабля.

Вопрос: какого корабля?

Осторожно пробираюсь к светящимся щелям – там дверь, и она не закрыта. А не закрыта, потому что бортовым системам не объявлена готовность на старт, и у меня есть последний шанс выйти из грузового отсека и удивить хозяев корабля. Или лететь в темном чулане в компании припасов и всевозможных запасок на случай собственного или чужого ЧП. До тех пор, пока пилоту не заблагорассудится заглянуть сюда. Учитывая, что хранилищ на любом корабле предусмотрено несколько, заглянуть могут не скоро. Дверь закроется герметично, вентиляция в грузовых отсеках не предусмотрена – да я сдохну здесь от удушья!..

На четвереньках, ощупью пытаюсь бесшумно пробраться к выходу и едва не падаю, наступив на офицерский хлыст, болтающийся на запястье. Мне оставили хлыст, значит, налетчик был из местных; на «Галере» вряд ли известно назначение этой цапки, иначе, если бы знали, – первым делом отняли бы хлыст.

Возле выхода натыкаюсь на знакомый ребристый контейнер, знакомый, потому что сам ставил его сюда...

Я на «Певне»!

Меняю тактику: осторожно просовываю лезвие ножа под

дверь, дверь мало-мало отъезжает вглубь, и этого достаточно, чтобы слышать разговор в рубке и даже видеть собеседников.

Голос льдинки, то есть второй белль:

– Ветер, это незаконно. Я отказываюсь наряжать захваченный корабль!

Незнакомец, занявший мое пилотское кресло, отвечает молодым баском:

– Ты в курсе, что это не блажь? Я лечу за Мрией! В твоём наряде или без наряда – я лечу за моей женой! Пропади ты пропадом, ты! Ты не захотела помочь! Все, разговор окончен!

Незнакомец раздражен.

На экране кубо-кубо лицо Анны с ресницами в горизонтальном положении.

– Ветер, я бессильна что-либо сделать. Торсионы перестанут отзываться в любую минуту. Это может случиться сейчас, а может – на подлете к зоне. А может за границей мира – когда угодно. И мне никогда не узнать, что именно я сделала не так. Ты поможешь Мриечке, если вернешь этому кораблю его пилота, а мне – уверенность в том, что наши помыслы чисты.

По движениям рук незнакомца я понимаю, что он проверяет сигнатуры перед стартом. Отмечаю: его учили управлять кораблем. Не великий мастак, но и не профан в летном деле. Но, съешь тебя цветочек, ведь не запустишь «Певень»!

Хлыст со мной, а у офицерского хлыста секретов не пере-
честь; он еще и блокирует системы корабля!

Верзила шарит по голограмме приборной доски, недоуме-
вая. Оглядывается на застывшее изображение Анны в куб-
бо-кубо и продолжает сочным молодым баском:

– Этот картавый капитан – да он повернет корабль обрат-
но, стоит только увидеть потухшие звезды! Ты веришь, что
он уйдет в эпсилон? Ради кого? Кто ему Мрия? Что ему бе-
лошвейки? Обслуга полетов, одной больше, одной меньше –
вот как они там думают! А он – оттуда!

«Картавый». Это что значит? Надо запомнить. На других
звездолетах всегда дают кликухи чужим. Кличка расскажет
о профессии больше, чем Энциклопедия. Не мешает узнать,
чем на «Галере» выделяют иланских патрульных пилотов.

Я быстро додумываю эту мысль, приготавливаясь за две-
рюю.

Прыгаю на спину незваного гостя и скручиваю хлыст пет-
лей вокруг крепкой шеи:

– А ты откуда, урод?

Без сожаления, одним хуком отправляю здоровяка туда,
где недавно довелось побывать самому: на границу. Нет, по-
ка не на границу мира. Всего лишь ставлю верзилу на паузу.

– Анна! Анна! Анна!!! – кричу в экран. – Я готов! Вперед,
за первой мастерицей! Летим?

Льдистый голос – клянусь, он потеплел! – звонко отвеча-
ет:

– Догоняйте, Тимох Рей! Я – за поясом астероидов!

А потом мы зависли в точке невозврата. Предстояло бликануть еще раз – и мы выпадем из привычной реальности. Анна отключила связь. Я знал, она кудесничала с торсионами, придумывая кораблю наряд для особого случая. Если я правильно понял, она собиралась ради «Певня» проташить в зону эпсилон кусок нашей вселенной. Мне предстояло лететь, находясь внутри рукава, выворачивавшегося вокруг моего корабля. В фантазии второй белль не откажешь!

Анна явилась в кубо-кубо неожиданно и застала меня врасплох. Я, уставившись в потолок, ковырял в зубах, размлев в ожидании, с ногами на спинке пилотского кресла. Я вздрогнул от неожиданности и чуть не свалился на пол, и наблюдал, как строгая вторая белль включила связь, только чтобы бросить в крайнем волнении:

– Поспешите, Тимох! Не пойму, в чем дело, но еще несколько часов, и будет поздно! Берегите нить!

– А как быть с Ветером? Он тут нужен, как листья прошлой ночи...

Я хотел предложить ей забрать верзилу на «Иглу-2» и совсем не хотел, чтобы рыжий торчал бок о бок с льдинкой в тесном челноке. Но все это уже не имело никакого значения, потому что белошвейка выключила связь.

Вот такое нежное вышло у нас прощание...

Я решительно положил «Певня» на курс, и межпространственник, развернутый кормой к далеким, но таким родным звездам, нацелился в то, что вряд ли можно назвать пространством: в эпсилон.

* * *

– Подтвердите заказ на дальнюю связь! – дежурным голосом потребовала девушка на другом конце линии.

Старый отставник отчитался:

– Полковник Звездного флота в отставке Петре Браге, код... личный номер... Связь с Ксантиппой Левински, Звездный флот – бета, корабль экстра-класса «Галера», код... личный номер...

– Спасибо! – стандартно поблагодарила девушка. – Освобождаю канал для вас. Приятного общения!

В кубо-кубо из мозаики цветных пятен сложилось лицо Ксантиппы. Связь наладилась, и Кса увидела Петре и мальчика с ним. Кса сделалась доброй бабушкой и улыбнулась тому, кого ее старый друг удобно устроил на коленях: трехлетнему эфебу пропавшего патрульного пилота. Она умела быть приветливой.

Петре Браге чувствовал себя полностью развинченным, потому и взял с собой Рейнясу – чтобы не раскиснуть перед Ксантиппой. Дети держат на плаву, вынуждая заботиться о своих маленьких вертячих эго.

Тимох, опекун мальчика, стартовал в зону эпсилон и до сих пор не вернулся.

Петре знал системы патрульного корабля как свои пять пальцев; ресурс «Певня» закончился сутки назад, здесь без вариантов, и это был серьезный повод оплакать судьбу честного парня.

И ведь не кто-нибудь, а он, полковник, благословил Тимоха на этот полет!

Многолетние разговоры с Ксантиппой каким-то уму непостижимым образом вселили в Петре Браге ложную уверенность, что полет за точку невозврата – дело не безнадежное. Ему странно было признаваться в этом, но он так думал. Непонятно, откуда жила в нем эта подспудная уверенность, но без влияния веселой рыженькой куколки Кса тут точно не обошлось. Она вообще часто говорила о невозможном как о простом и будничном, и Петре думал: «Кто знает, как воспитывают белль на „Галере“? Может, им по работе положено с утра успевать поверить в сотню невероятных вещей?»

Но теперь он смотрел в лицо наставницы белошвеек и не видел ни малейшего намека на добрую весть.

«Похоже, мы впали в маразм, с легким сердцем позволив тем, кого любили, стартовать в эпсилон. На верную погибель отправили, глазом не моргнув. „Мы“, потому что я знал, что Ксантиппа разрешила второй мастерице обеспечивать полет „Певня“. Вторая белль шила наряд Тимоху до точки невозврата и не удержалась на ней. Следовательно, и эта белль

ушла в темную пыль. И еще до меня дошла смутная история с каким-то парнем, воздыхателем первой мастерицы, прибившимся к этой парочке. Итого на нашей совести три загубленные жизни».

Так думал отставной полковник.

Он прибегнул к проверенному средству, прекрасно отдавая себе отчет, что заденет самолюбие Ксантиппы, но более верного способа расшевелить ее и узнать правду не существовало, и Петре сказал в экран:

– Кса, ты – лучшая белошвейка из лучших – не можешь предпринять хоть что-нибудь? Нет, я отказываюсь поверить в это!

Но Ксантиппе тоже несладко.

Она ответила глухим голосом, и отставник почувствовал себя старым тупым идиотом, безнадежным романтичным придурком, маразматиком, толкнувшим парня на авантюру со спасением белошвейки.

– Увы, – ответила Ксантиппа, – из эpsilon еще никто не возвращался, полковник Петре. Вы знаете это не хуже меня. Вот что сказала наставница белошвеек.

* * *

...Я оставил Анну в опасной близости от зоны.

Она настояла. Беспокоилась за натяжение нити.

И я знал, что до последнего вздоха, или чего еще там (кто

знает, что эпс делает с человеком?), я буду думать об Анне.

И о Мрие, конечно, – я же полетел за молочно-белой де-вушкой Мрией, по которой сохнет краснорожий парень, за-пертый в жилом отсеке вместе со сменным бельем, капита-нским кителем и половиной припасов еды, питья и иланской жвачки.

«Певень» преодолел границу в месте, где границ не могло быть по определению. Но я, подвешенный в венце, соединя-ющем корабль и пилота в один биоэлектронный мозг, мог поклясться – межпространственник оказался по ту сторону привычного физического мира.

Зону условились считать межатомной пустотой: вселен-ной внутри вселенной. Человечество смирилось с существо-ванием эпсилон, убаюкав себя теорией непостижимости суб-атомного мира. Возможно, сейчас я ощущаю, как «Певень» вращается на электронной орбите...

Последнее, что я успел сделать: проверил, заполняется ли архивная память корабля. Если зона когда-нибудь будет изу-чена, подробности полета «Певня» послужат чужому иссле-довательскому любопытству...

...И в следующее мгновение содрал с себя все биоразъ-емы, повинувшись инстинкту выживания. И годы выучки ока-зались бессильны. Минуя зрение, слух, все остальные чув-ства, пришло понимание: корабль окружило небытие – тоск-ливая, кажущаяся мягкой на ощупь, всепоглощающая несть, в которой ощущаешь всеми фибрами души отсутствие всего.

Сущее – энергия, свет, звук, движение, усилие, стремление, мечта, надежда, жизнь – все осталось за точкой невозврата...

Я вопил, точно зная, что Анна не слышит и не слышит никто.

Меня охватило безумие, и, значит, жизнь в тот момент еще была во мне, ведь мертвые не сходят с ума.

Я бился головой о переборку, снова орал, слушая содроганный «Певень». Я вошел в состояние эмоциональной глухоты и отчаяния и пялился на приборы, не понимая – что есть все это? Я словно выворачивался в себя, вылупливаясь из небытия в новой вселенной.

Сами собой включались и выключались корабельные системы, гасло и вспыхивало освещение. Потом среди надрывного воя «Певня» я уловил звуки за переборкой, совсем рядом. Прислушался, и сознание стало возвращаться: под люком с другой стороны от такой же беспросветной тоски скулил и выл мой пленник.

И разжались тиски ужаса.

Я вытер слезы и сопли, вовремя вспомнил про гигиеническую салфетку и с ее помощью принял вид мужественный и непоколебимый. Салфетку сунул под мышку: под правую, затем под левую. Я был мокрый, как афалина, салфетка не помогла, нужна по меньшей мере дюжина промокашек, но, чесслово, сейчас не до того.

Мы переговорили с Ветером, разделенные дверью.

Похоже, от звука человеческого голоса его тоже перестало

штырить от страха.

Мы заключили мирное соглашение, и я открыл ему дверь, чувствуя, что возвращаюсь в адекватное состояние.

Ветер сделался тише полуденной травы. Он полез обниматься, и мы вместе пустили скупую мужскую слезу, оплакивая себя и наших женщин. Наших – условно.

Льдинка не моя женщина, но разве важны формальности для двоих самоубийц?

Теперь я почти осмысленно управлял кораблем, вернее, пытался отследить полет «Певня». Снаружи не поступало ни единого килобайта информации. Ни единого сигнала – ничего там, снаружи, не было.

Я снял венец управления, сложил пальцы в мудру и отрешился от ситуации. Я размышлял о том, что когда-то, единственный из потока курсантов, решался ходить по тросу на высоте десяти палуб. Просто нашел секрет, позволявший проделывать этот трюк, сводивший с ума остальных. Надо ощущать себя и трос под ногами исходной точкой, и тогда высоты не существует. Есть ты и узкая опора, которую ты можешь вообразить сколь угодно надежной и основательной.

А что имеем сейчас?

Представим, эпсилон не существует, есть только я и верный «Певень». По словам Анны, белошвейки приближают звездную систему. Выходит, белль тоже считают свой челнок точкой отсчета. Их учат верить, что они подтягивают к себе звезды, вместо того чтобы объяснять, что на самом деле

Звездный флот двигается к своей цели, несомый изобильной энергией межзвездной пустоты, свернутой, скрученной, неимоверно сжатой, стремящейся развернуться обратно.

Итак, если мой корабль – центр этого мира?

Если эпсилон даже не мир, если в нем нет ничего, я – центр пустоты. Возможно даже – первородное яйцо в пустоте, первый импульс, причина всех причин в непостижимости полного отсутствия...

Дальше этого вывода дело не двинулось, и я прервал медитацию.

Тем более не стоит провоцировать галерца отложенным в сторону венцом – этот парень свое не упустит. Ветер занят, сопит, регулирует второе кресло, подгоняя его форму под свою статью. Кресло вряд ли переживет такую экзекуцию.

С чужаком надо держаться начеку. А когда начеку – тут не до поисков истины.

И даже не в этом дело. Нечего врать себе: я не в состоянии подстроиться под эпсилон. Две женщины, две переменные, усложнили мое уравнение, сделав задачу нерешаемой. Я подвешен на нити между ними. Одна из них, первая белль, – цель, вторая белль – опора, точка крепления к привычному миру. Уж если кто-то и есть центр пустоты и начало всех начал, так это первая белль – не я.

Я испытывал неприятное, почти физическое чувство ускользающего от меня прозрения. Вот, еще немного, и я пойму, что такое эпсилон...

Тем временем Ветер деловито завис над пультом.

Пришлось извлечь хлыст и поиграть им по спинке кресла.

Это мой корабль, и нечего совать руки, куда не надо.

Оказалось, он намеревался запросить изображение наряда.

Я решил, что это разумно, и запустил программу.

«ЮН» выстроил хаос линий. Я почти уверился, что мозг корабля сдался. Венец пусто звенел, контакта с электронной корабля не было.

Вдруг на экранах «Певня» поплыла четкая графика: корабль находился внутри кокона, состоящего из мелко переплетенных спиралей.

Неожиданное зрелище.

Таких нарядов мне видеть не приходилось.

– Смотри, – кивнул Ветер, влипая в монитор, – да он растягивается!

– Кто?

Ветер даже поперхнулся от возмущения:

– Смотри на завитушки, – он так назвал спирали, – наряда: их натяжение растет.

Кубо-кубо показывал микроскопический патрульный корабль, паривший, как одинокий цитрозус, к которому привязали нить. Патрульник натужно тянул эту нить внутри наряда, уходящего в безразмерность и безграничность с одной стороны – откуда прилетел корабль, и сужавшегося в узкий «рукав» в другую сторону – в эпсилон.

Я видел, как растягивается плетение нашего кокона, в середине которого двигался «Певень», и ограждавшая корабль сеть, выдвигаясь все дальше в эпсилон, истончается и редет по курсу корабля, вытягиваясь в попытке обеспечить пространство для продвижения вперед в зоне, где пространство не существует.

Ветер застонал:

– Наряд вот-вот разорвется, Анна не успевает за нами! Ты где ее оставил?

– В точке невозврата...

– Это конец! – вопил Ветер, подсакивая в кресле и размахивая ручищами. – Она не заметит, как и ее затянет в эпс – мы же в связке!

Ветер раздражал бурной экспансивностью.

Я чувствовал себя разобранным на атомы и собранным вновь, но неудачно: ощущения были как при перегрузке с небольшими значениями, но след потрясения от встречи с зоной эпс давал знать о себе загнанным глубоко внутрь, под контроль разума, животным ужасом.

Эпсилон подавлял.

В довершение всего, изнутри меня грызла тревога за вторую белль, и галерец только усилил эту тревогу.

– У нас есть еще десять минут, – сказал я. – При такой скорости натяжения наряд просуществует десять минут, я сде-

лал расчеты.

– Какие такие расчеты? – саркастически спросил галерец. – Чего рассчитывал?

– Энергетические напряжения и скорость их угасания. – Я показал на сетку наряда вокруг корабля. – Или ты думаешь, что «Певень» летит в рукаве вязаного свитера?

На исходе десяти минут мы с Ветером откинулись в креслах и зажмурились. Впервые у нас наметилось полное единодушие по поводу того, в каком положении лучше умирать.

Что-то подкинуло меня на месте, я оторопело уставился на экран: наряд виден четко, спирали сжаты, словно мы вернулись к началу пути, но! Путеводная нить – она исчезла!

– Где? Где она? Где? – запаниковал я.

В какой момент я проморгал нить?

С какой стороны вижу наряд?

С внешней?!

– Мы по-прежнему внутри защитного кокона, – пробормотал Ветер. – Разуй глаза и соображай: наряд теперь сплошь красный. Анна знает свое дело. Она сплела защиту из путеводной нити, больше-то здесь работать не с чем. А раз так, получается, она все-таки подтянула челнок Мрии навстречу нам, ей удалось. Мы где-то рядом, но надолго нити не хватит. Капитан, я – на выход!

Он ломанулся на меня без предупреждения.

Он знал, что я не позволю выйти из корабля, что это нелепо – лететь в скафандре, не выяснив местоположение «Иглы-1» относительно «Певня», и что вообще нелепо лететь в скафандре, – и он бил, чтобы свалить.

От парня, который планировал угнать патрульник ради подружки, жди только подлости. Я оказался проворней.

Хлыст безжалостно прошелся по лицу галерца, потом удар хлыстом в пах, потом по колену и локтю – точно по нервным узлам. Краснорожий свалился, как подкошенный. Я приковал галерца и с наслаждением как следует попинал ногами, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Отдышался, включил все каналы связи.

Эпсилон молчал.

Наряд снова растянулся до предела: привычная вселенная, вывернувшаяся с нами в зону эпсилон, доживала последние мгновения.

Я лихорадочно перебирал варианты. Выход наружу я исключил. Спасение лишь в том, чтобы не покидать патрульный корабль.

Связи с Мрией нет. Но, пока «Певень» и «Игла-1» в остатках одной вселенной внутри кокона, между ними возможна связь и законы физики должны работать хоть в какой-то своей части...

Мне бы сюда «АДРОН», ведущий корабль Анны!

Я заложил программу в «ЮН», перегрузив его интерфейсы до предела, да так, что поблекли все мониторы и бес-

сильно повисли биоразъемы венца. При полном отсутствии внешних данных мозг корабля вынужден был довольствоваться только собственными математическими расчетами.

Я надеялся на то, что «ЮН» не ошибется.

Или ошибка не будет фатальной.

Впрочем, мне никогда не узнать об ошибке. Я или не получу результат вообще, или получу его, но не смогу проверить его правильность.

Корабль принял решение, я дал добро. «Певень» «ключнул», как говаривали мои ребята, – выстрелил вперед по курсу зонды-разведчики, а те столкнулись в лоб с «Иглой-1», и на экран просеялись скудные данные: челнок Мрии оказался ближе, чем я мог предположить. Это обнадежило меня невероятно. Просто окрылило.

Я пустил в ход самонаводящиеся патрульные ракеты, задав им курс с поворотом на сто восемьдесят градусов и удар с заходом в тыл «Игле-1». Судя по рассказу старика Браге, кораблик Мрии должен выдержать такую атаку.

Монитор плеснул цифрами: ракеты подстегнули челнок, и теперь он несся навстречу «Певню».

До разрыва наряда, сохранявшего вокруг корабля прослойку привычного физического мира, оставались считанные минуты.

Я включил рабочую программу задержания, и «Певень» стал транслировать приказы, как если бы «Игла-1» была судном без регистрации или «вольным бродягой», плевать хо-

тевшим на предписания двигаться строго по официальным маршрутам.

Мой патрульный корабль взывал к законам Звездного флота, гундосил об ответственности за неповиновение и карах небесных, но больше человеческих, и все это – чтобы заставить квантового кормчего «Иглы-1» выполнить указания и направить корабль белль в тубус-приемник патрульника.

Я не мог знать наверняка, но уже не сомневался, что на первую белль тоже работает «АДРОН». И, выходит, мой «ЮН» приказывал «АДРОНу» – как если бы муравей выкрикивал человеку свои команды.

Возможно, «АДРОН» на челноке Мрии удивился нашей настойчивости, но принял решение подчиниться приказам с «Певня» и повел на сближение с патрульным кораблем крохотный жилой модуль первой мастерицы, отделив его от «Иглы-1».

«Певень» принял модуль в свой тубус-приемник и надежно зафиксировал его там.

Я рванул обратно, прочь из эпсилон.

Первой белошвейке придется потерпеть в одиночестве в тубус-приемнике моего корабля. Я сделал для нее все, что мог.

Клянусь, если эпсилон выпустит меня, я немедленно запущу к Мрие ее любезного, в ожидании счастливого воссоединения прикованного наручниками к скобе и танцующего жуткую пляску на полу кабины в попытке достать меня но-

гами. А потом немедленно задраю за ним люк корабля.

Йло!

«Певень» с пробитыми защитными мембранами не дотянул полпарсека до границы изученной вселенной и беспомощно завис. Ни там, ни здесь. Путеводная нить по-прежнему была цела. Это единственное, за что стоило себя похвалить. Анна боялась одного – потери нити.

Мы по-прежнему находились в зоне эпсилон, и я не мог наладить связь, как ни изощрялся. Видимо, здесь отсутствовало и пространство тоже... Во время прыжка что-то происходило со временем – похоже, оно текло в разных направлениях.

«Певень» просигналил, что исчерпал свой ресурс. Опять начались вибрации корпуса. Мой корабль бился в смертельной лихорадке, готовясь стать летающим саркофагом для своих пассажиров. Я выключил все, кроме системы аварийного жизнеобеспечения. Ветер всплыл в наступившей невесомости и болтался, скованный наручниками, в футе над палубой. Я освободил Ветера, пинком отправив его туда, куда тот упорно просился – в клозет, зная, что из нужника выйдет трижды мой враг. Мне было все равно. Единственное, чего я желал, – что-бы точка невозврата отпустила Анну, чтобы она вернулась в систему Ило-Соло. Я должен придумать, как разъединить наши корабли. Ветер говорил об опасности этой связки для второй белль.

Я обнаружил пыль, тонким слоем покрывающую все в рубке. Если это не пыль веков, то есть только одно возможное объяснение ее появления: вентиляторы недолго работали в обратном режиме. Если бы долго, мы бы задохнулись. Возможно, это случилось как раз тогда, когда я и галерец пережили приступ паники.

Я нарисовал на пыльной полировке приборной доски овал лица с маленьким ртом и длинными прямыми ресницами, и такая меня взяла тоска!..

Мне не увидеть льдинку-белошвейку.

Скроет трава до полуночи...

Ветер проплыл мимо, в жилой отсек.

Я не повернулся, но, стирая слой пыли, заметил отражение Ветера. Парень левитировал без штанов. Спешил за смежной брюк.

Бывает...

Я произнес это вслух.

Ветер примирительно буркнул в ответ, и мы поняли, что не будем выяснять отношения. По крайней мере, в ближайшие десять минут.

– Спасибо, капитан! – прогудел он.

– Не за что! – ответил я, меланхолично уставившись в бесполезный теперь экран внешнего обзора. – Ты даже не можешь перейти к Мрие: не протиснешься между стенкой тубуса и челноком.

– Ты сделал все как надо, капитан! Я бы не смог лучше!

– Еще бы, я же, по-твоему, картавый.

– А? – Ветер уклончиво хмыкнул.

Он привел себя в порядок, уселся, посопел и произнес:

– Капитан, не пойти ли мне постучать Мрийке?

– Валяй, – разрешил я. Пусть стучит, раз ничего другого в голову не пришло.

– Да подожди, йло! Я поверну корабль, – я притормозил верзилу, – по стенке стучать бесполезно, попробуй по люку, но его надо совместить со входом в тубус.

Я разбудил «ЮН», злорадствуя, что из-за этого расточительства конец света для нас наступит раньше. Не успел отнять пальцы от сенсорной панели – «ЮН» объявил то, от чего я передумал вращать корпус «Певня»: «Готовность номер один. Гиперпрыжок. Перегрузка в пределах допустимых значений».

Я, игнорируя побежавшие цифры отсчета времени, запросил внешнюю картинку. Вокруг «Певня» сиял и топорщился в разные стороны петлями замысловатых кружев новый наряд. Нить не вела в неизвестную даль. Она кратчайшим отрезком соединяла мой корабль и острую иголку, воткнутую в тесно обтянувший патрульный корабль шар – новый защитный кокон. А Ветер уже хлопал меня по плечу:

– Это челнок белошвейки! Анна рванула за нами в эpsilon! А она отчаянная девчонка! Капитан, да ты счастливчик!

Глава пятая

Возвращение

Счастливчик? Получается, да, я – счастливчик...

Я вижу, как Ветер возвращается из короткого похода на «Иглу-1». Он перетащил подружку и новорожденного младенца на «Певень», даже не спрашивая моего согласия.

Оккупант, йло.

Бело-розовая нежная Мрия сидит в волосатых лапах размякшего Ветера.

У груди Мрии – крошечная, похожая на гусеницу в своих пеленках, дочка: краснорожая, как папашка, и с таким же завитком волос на лбу. Они назвали ее Надьежда. Архаичное имя. У космофлотских мамаш нынче в моде музыкальная тема: они выгуливают в оранжереях Виолы, Арии и Сوناتы...

Я чувствую себя лишним на собственном корабле.

Я дожидаюсь, когда гусеница насосется до отвала, и говорю:

– Одолжите мне свою гусени... гм, свою красавицу! Ненадолго. Я иду за Анной, мне нужно предъявить образец будущего, гм, изделия.

Ветер готов заржать в полный голос. Мрия решительно закрывает ему рот ладонью. Она улыбается, но категорически

не согласна расстаться с гусеницей, даже сытой и спящей. Но она вручает мне чепчик: маленький, только на кулак налезет. Говорит, Анне этого намека будет вполне достаточно. И сама включает мембрану выхода, выпроваживая капитана из его же корабля.

Мой ангел-спаситель, раскинув косы, парил в невесомости, слабо подсвеченной светодиодами переходного шлюза. В этом доме я второй раз, и второй раз меня встречали на пороге. Прабабушка Талия одобрила бы такой обычай...

Некстати вспомнил, как поспешно стирал на пыльном пульте овал лица с копьями-ресницами... Зря я так. Вдруг дело не сладится?

Голос пресекся.

Я по-рыбьи открывал рот, белошвейка с беспокойством смотрела на то, как я раздергивал застёжки на скафандре, освобождал шею и грудь, извлекал чепчик из нагрудного кармана и зачем-то нюхал его, предательски шмыгнув носом.

Я не нашел ничего лучше, чтобы сказать:

– Ты такое можешь?

– Что могу? Сшить? – Белошвейка отняла у меня чепчик и рукой идеального рисунка держала его на отлете, слегка покачивая. И этим окончательно загипнотизировала меня.

– Такое... такую... сделать. – Я таращил глаза. Я нарисовал ладонями в воздухе маленькую гусеницу, показывая, как

она ест и как спит на руках пышногрудой Мрии.

Белошвейка прыснула от смеха.

У меня сладко защемило сердце.

– И на кого она должна быть похожа?

– На меня! – выдохнул я, полный надежды.

– Тимох Рей Гвен Тимофей, вы даете мне время на размышления? – спросила Анна.

– Нет, мне срочно!

Осторожно поцеловал руку белль. Надо же с чего-то начать.

* * *

«...Из эпсилон еще никто не возвращался, полковник Петре».

«...Из эпсилон еще никто не возвращался, полковник Петре».

«Вы знаете это не хуже меня...»

«не хуже меня...»

«хуже...»

Снова солнечная буря на Ило-Соло.

Слова Ксантиппы зловеще повторились эхом, и смялось ее изображение в кубо-кубо.

Петре Браге растер грудь в области сердца.

На его коленях сидел ребенок, и ради него нужно было продолжать жить.

Через минуту, долгую, как вечность, связь наладилась.

Изображение снова отчетливое. Кса, заговорщицки кивнув – мол, приготовься! – наклонилась вперед и затараторила скороговоркой, которую эти двое изобрели в юности, шифруясь от ненужных свидетелей их молодых сердечных бесед:

«...раммаламматарраатаммаа...»

«Петре, подумай сам, зачем им возвращаться? Что ждет их здесь? Следствие, судебное разбирательство, ничтожная возня чиновников всех мастей, озабоченных, что делать с чужой личной свободой? Один корабль пропал, два угнаны. Договорим после». Она протараторила это в одно мгновение и замолчала. Знала, что сказала достаточно и теперь полковнику надо хорошенько поразмыслить над услышанным. Но Ксантиппа не была бы Ксантиппой, если бы не умела притворяться. В молодости она так умело прятала смыслы перед теми, кто по долгу службы подсаживался на их канал связи, пытаясь выяснить, о чем говорят пилот и белошвейка, что этот канал оставили за ними до сих пор. Петре Браге говорил ей при встречах: «Уверен, если на нас заведена отдельная база данных, то проходим мы под грифом „Полковник-визуофоб и его манерная примадонна“».

Госпожа улыбнулась с экрана неподражаемой улыбкой, чуть повернув лицо, скосив глаза и покачивая головой: у нее всегда получалось очень лукаво. Когда-то она поставила на

прикол сердце полковника этой своей улыбочкой. Ксантиппа неспроста принялась за старое: что-то назревало.

Браге, не в состоянии предвидеть ее следующий ход, тем не менее ликовал: заговорщики живы и Ксантиппа вот-вот намекнет, где они сейчас!

Старик и Рейнясу отсмеялись в ответ на улыбки и подмигивания Ксантиппы. Мальчик – задорно и беспечно, а седоусый дед – с небывалым облегчением. Ксантиппа сумела все обставить самым невинным образом: это выглядело, как забавы ласковой бабушки с малышом.

А Ксантиппа не унималась. Она, к удовольствию мальчика, покрутила пальцами, словно изображала длинные напомаженные усы Браге. Рейнясу снова звонко захохотал, взглянул на Петре и повторил жест. Петре, наоборот, насторожился: Кса собиралась устроить «штучку» – в молодости они называли этим словом сложные розыгрыши. Ксантиппа сказала:

– Полковник Петре, вы не забыли: на днях вам нужно заказать памятную песню? Вы каждый год заказываете ее в годовщину смерти отца Тимоха – и каждый раз просите меня напомнить вам об этом. Так вот, я напоминаю. Текст песни у вас? Что вы отошлете в бланк-заказе на канал «Орфей»?

– Кса, прости, я забыл.

– Надеялся на меня?

– Да, опять и снова... – пристыженно пробурчал Браге, стараясь потянуть время, а сам лихорадочно соображал, к

чему она клонит?

Тимох всегда справлялся сам, заказывая поминальную песню по умершему отцу. Петре Браге был пассивным слушателем в День Памяти усопших и ностальгировал, обложившись солеными орешками с разных планет, длинными ломкими центаврийскими хрустами и банками с пивом.

– Кса, ты не помнишь слова песни? – взмолился он, не в силах разгадать предложенную головоломку. Ксантиппа явно добивалась от друга не просто исполнения ритуала, но чего-то еще.

– А поискать не пробовал? – уколола его старая и единственная любовь.

– Теряюсь, где можно поискать... Год назад я заменил домработника на новую модель...

«Хорошая отмазка, нечего сказать!»

В памяти домашнего робота Петре Браге, что старого, что нового, никогда не было ни одной любимой песни его покойного друга Рея Гвена.

– Так и быть, помогу и в этот раз! – смилостивилась госпожа. И добавила, обращаясь к Рейнясу:

– Малыш, у тебя очень забывчивый дедушка!

И снова взглянула на полковника:

– Я хорошо помню слова и отправлю вам текст, полковник Петре, а вы позаботьтесь, чтобы памятную песню повторили двенадцать раз за сутки: сколько лет отмечаем по покойному. Надеюсь, это вы не запамятовали?

Рыжая лисица Ксантиппа снова покрутила пальцами, изображая усы, послала привет мальчику и торопливо закрыла канал, экономя кредитки Браге – оплату за прямую связь с «Галерой».

Значит, условия игры заданы. Петре Браге осталось включиться в действие: получить послание с таинственной песней и посмотреть, что же затевалось?

И вот в кубо перед полковником всплыл странный текст, самая что ни на есть настоящая сага о первопоселенцах на Ило Семилунном. Но эта сага отлично ложилась на музыку известной песни «Магелланов парус» и могла быть исполненной в память незабвенного друга. Ему пришлось перечитать песнь Ксантиппы несколько раз, пока не срослись, наконец, все смыслы и до Петре дошло содержание вполне прилично срифмованных строк. На самом деле это была не песня, а инструкция. Ксантиппе предстояло обеспечить коридор к планете для челнока второй мастерицы, «Иглы-2». Вторая белль должна была вывести корабль из прыжка в нужном месте и в нужное время, а полковник, обосновавшийся на Ило Семилунном, должен помочь с точным определением момента и координат. Прекрасный Ило очень негостеприимен в ночное время. Ксантиппа требовала указать подходящий схрон, в котором останутся беглецы. Эти бункеры, оставшиеся от первопоселенцев, забытые, затерянные в дебрях иланского леса, сейчас были никому не нужны.

Они еще пригодны для жизни, и, самое важное, в них безопасно ночью, когда ворожит фиал.

Единственное, что не открылось пониманию Петре Браге – из зоны эпсилон челнок доставит на Ило Семи-лунный даже не четырех, а пять пассажиров.

Однако он воодушевился и в самом приподнятом настроении повторял про себя: «Впервые из эпсилон вырвался корабль! Величайшая победа человечества над тайнами природы!»

Но победителей, как предупредила Ксантиппа, по возвращении не ждет ликование толпы, торжественные приемы и пресс-конференции. Их вообще ничего хорошего не ждет. Выход для заговорщиков один – затаиться. Большие крейсера скоро отправятся на Фомальгаут и дальше, куда поведут Звездный флот дороги большого космоса. Все должны забыть о трех малых кораблях, принадлежавших эскадре в то время, когда Содружество гостило в системе Ило-Соло.

* * *

Патрульный корабль «Певень» не просто исчерпал свой ресурс, корабль был выжат. Системы жизнеобеспечения отказали. Тимох с Ветером облачились в скафандры для открытого космоса, а Мрия с новорожденной ушла, чтобы запереться в сфере «Иглы-1».

До этого Тимох не мог знать, что рабочие сферы белошве-

ек служат еще и защитным коконом своей хозяйке. Мрия собиралась повторить действия, которые он подсмотрел у Анны. Она распустил волосы, обнажится, прижмет к себе новорожденную, и сфера примет их в себя. Для внешнего наблюдателя это будет выглядеть, как если бы мать и ребенок расплавились в сиянии.

Тем временем пилот осторожно выводил «Певень» из зоны эпсилон. Челнок второй белошвейки уже ждал его в точке невозврата: Анна контролировала его патруль-ник, и Анна вытянула их всех. Вернее, втянула в привычную вселенную.

Тимох испытал невероятное облегчение.

Если бы с Анной что-то случилось, у него не хватило бы своего, человеческого ресурса перенести это.

Ему хотелось вытереть холодную испарину на лбу, но не в скафандре же. Он чувствовал, что смертельно устал и ни на что не способен. Тимох видел, что с попутчиком происходит такая же странная ломка, словно им обоим заново приходится вживаться в привычный мир.

Пилот представил, как уходил из схем «ЮНа» последний наноампер, а с ним и жизнь корабля... Нужна энергия. Но подключать «ЮН» к «АДРОНу», ведущему челнок Анны, бессмысленно, разные поколения электронного интеллекта не могут быть взаимозаменяемыми, как лом и зубочистка не могут заменить друг друга. И, значит, «Певень» придется оставить.

Ветер и Мрия с девочкой перешли на «Иглу-2», к Анне, а

Тимох Рей Гвен Тимофей, еще вчера (или сто тысяч лет тому назад?) капитан патрульной службы, подавленный, проводил последние минуты в пилотском кресле, уставившись в экран обзора, поглаживая пальцами в перчатках W-панель, наверняка ледяную, бесполезную сенсорную панель мертвого патрульного корабля. В отсеке беззвучно шевелился мелкий мусор – след пребывания галерца (когда успел, зараза, и чем?). Перед лицом патрульного медленно плыл баллончик с бритвенной пеной. Тимох машинально подхватил его. Надавил. Пена стремительно разлетелась из форсунки, заляпав мельчайшими брызгами переборку корабля. Пятно напомнило вечноцветущее дерево франжипани – любимое дерево иланцев. Парень еще раз брызнул из баллона на стенку: дереву нужно придать законченный вид, и Тимох обозначил ствол. Затем очнулся от тяжелых мыслей, встал. Медленно, словно пытаясь отсрочить расставание с кораблем, доплыл до мембраны входа. Выплыл наружу, в шлюз, соединявший два межпланетника, и, тяжело привалившись к двери, отковырял приготовленной отверткой эмблему патрульного корабля. Сжал эмблему в кулаке. Рычагом запорного устройства вручную закрыл вход в «Певень», шесть счастливых лет носивший его по космосу. С этой минуты Тимох стал капитаном без корабля.

Теперь судьба всех зависела от кормчего «Иглы-2».
Квантовый мозг может обладать свободой в выборе реше-

ния – Тимох знал, что есть такие версии. Что предпримет «АДРОН» с учетом того, что каждый пассажир «Иглы-2» по законам Звездного флота виновен в нарушении нескольких статей Космического Кодекса? Если, конечно, «АДРОНЫ» интересуются людскими законами...

Тимох не задумывался об этом, когда искал челнок Мрии, не задумывался, когда выходил из эпислон. Но задумался на борту «Иглы-2». Куда доставит их верный пес повелительниц торсионных полей?

Анна находилась в электросне.

Мрия предупредила, что Анне необходимы несколько часов отдыха, белль совсем на пределе. Мрия посоветовала всем выспаться; она будет держать вахту. Потом первая белошвейка встретила отдохнувшую подругу квартой сибо и, к радости проснувшихся мужчин, приготовила сибо и для них.

Задавать вопросы мастерицам не стали. У пилотов, по долгу службы бликующих в космосе вне искусственных миров, свои приметы. Горячий сибо-бульон, да еще по две кружки на каждого, – что могло быть яснее? Значит, у белль есть план, куда лететь, и цель их полета – населенный мир. Подруги придержали бы продукты, если бы дело обстояло иначе.

Пилоты приняли паек, привычно надорвали защитную пленку, которой была облита кварта – высокая кружка с крышкой. Без суеты, стараясь скрыть зверский аппетит, от-

ламывали твердые, словно керамические, кольца – части кружки – и окунали отломанные куски в горячий сибо. Куски посуды быстро размокали, превращаясь в мокрый пресный хлеб. Так первой была размочена в горячем бульоне и съедена крышка, затем постепенно уменьшилась в размерах и сама кружка.

Вскоре к ним присоединилась Анна, с заколками-кристаллами в высоко уложенных волосах и в платье другого цвета. И она снова работала дорогу для корабля.

Тимоху уже ничего не казалось удивительным. Ни то, что белль шила многомерную иллюзию внутри иллюзорного космоса, ни то, что голографическое полотно, усыпанное мириадами искр, послушно подавалось под ее пальцами, сворачивалось, скручивалось, исходило потоками излишков энергии из складок, укладывалось, образовывало заломы и сгибы и соединялось.

Или не соединялось.

И тогда белль искала новые способы сделать так, чтобы точки старта и финиша совместились друг с другом. Для этого ей приходилось постоянно сверяться с бесконечными столбцами формул и символов, вспыхивающих в сфере, и молниеносным движением руки сметать новый прогиб пространства-времени, когда цифры тревожно вспыхивали алым.

Сфера оказалась еще и абсолютно автономной гравитационной зоной внутри корабля. Сиденье белль Анны время от

времени меняло ориентацию в пространстве, и Тимох, Ветер и Мрия могли видеть вторую мастерицу то запрокинутой на спину, то перевернутой вниз головой по отношению к ним, стеснившись вчетвером в жилой зоне «Иглы-2».

Мрия проследила глазами за подругой, которую сфера принялась укачивать, увеличивая амплитуду колебаний так, что сиденье, как качели, плавно взлетало вверх и возвращалось вниз, при этом Анна этого, казалось, не ощущала, создавая наряд для «Иглы-2». Первая мастерица заметила недоумение патрульного пилота и беспечно улыбнулась:

– «АДРОН» знает, как облегчить жизнь своей белль. Работа требует неподвижности, это вредно для здоровья. Было бы вредно – если бы не «АДРОН» и его меры.

Безделье располагает к размышлениям и наблюдениям. Тимох открыл для себя, что белошвейки первой триады действительно окружены непроницаемой стеной традиций. Ветер проговорился за обедом, что вместе с «Иглой», своим кораблем, девушки принимают ритуальное имя.

– И как вас зовут? – все-таки поинтересовался заинтригованный Тимох.

Вторая белль, намеревавшаяся окунуть в сибо очередной кусочек прессованного хлеба, придерживая его специальными щипчиками, ответила не сразу, стрельнула глазами на патрульного пилота, переглянулась с Мрией и чуть-чуть улыбнулась:

– На патрульных кораблях разве не знают, что у первой триады позывные Мария-Анна-София? Так нас и зовут. Но разрешается иметь не только позывное, а «домашнее» имя, если оно созвучно присвоенному в триаде. Мрию охотно называют Мрия, а не Мария. Так само собой получилось. Есть у нас знакомые Софи и Анаит.

Если в ее голосе была скрытая насмешка, то совсем немного: терпения и вежливости у любой белошвейки с избытком. Патрульный пилот задумался. Белль никогда не знакомились с парнями, даже если соглашались немного пообщаться с ближайшим патрульным. А пилотам и в голову не приходило спрашивать имя у первой, второй или третьей мастерицы. Сколько он себя помнил, белошвейки не рассматривались как девушки, скорее, они были легендой...

Ветер откровенно скучал и от нечего делать выпячивал свою осведомленность. Улучив момент, чтобы не слышала Мрия, он похвастался:

– Белошвейка первой триады не откроет настоящее имя никому. Кроме человека, которому доверяет безгранично. Я год жду этого момента, но эти девчонки невероятно хитрые, потому и вихляют с именем. Уж мы на «Галере» знаем, как они водят парней за нос! Но я, – прогудел, понижая голос, Ветер, – добился того, что не удавалось другим ребятам с «Галеры». Скоро моя Мрия будет полностью моя и откроет все!

Тимох обдумал сказанное. У белошвеек были свои прави-

ла игры. Что ж. Этого следовало ожидать.

Он пропустил момент нуль-перехода – уснул, загипнотизированный порханием тонких пальцев белль Анны.

«Игла-2» вынырнула на орбиту планеты в системе желтого карлика Ило-Соло: Анна мастерски вывела корабль. Если же это была просто удача, то невероятная.

Вторая белль готовилась к посадке на Семилунный.

Она сориентировала длинную продольную ось челнока перпендикулярно системам наземного космического слежения, находившимся на крайнем острове в архипелаге из десятка населенных островов, и корабль ушел на необитаемую сторону планеты. Тимох оценил этот маневр по достоинству: приземляющийся корабль на Семилунном зафиксируют как объект малых размеров, занесут в графу «Падение отработавшего спутникового модуля в океан» и забудут. Ило на восемь десятых покрыт океаном, и вероятность того, что космический металлолом свалится на голову кому-то из горожан, ничтожно мала. А все остальное на этой планете – неважно.

«АДРОН» умудрился еще раз показать свое могущество, рассчитав траекторию приземления таким образом, что «Игла-2», спустившись достаточно низко, чтобы антенны слежения потеряли ее из виду, бликанула над водами океана и опустилась в заданном квадрате суши в посадочное гнездо. И погрузилась, как в трясину, в слои растительных остатков,

поверх которых бушевали и цвели джунгли.

Глава шестая

Джунгли

Беглецы уходили прочь от корабля. Мужчины шли первыми, прожигая сезамами дорогу в гуще травяных стеблей, лиан и молодых ростков, сражавшихся за право вырасти могучими деревьями.

Долгие десятилетия растения чувствовали себя вольготно на заброшенной платформе для космических стартов. Растения были везде: они заполнили посадочное гнездо, оплели платформу, протянув длинные гибкие стебли из леса, разрослись поверх плит площадки на перегнивших останках своих же предшественников. Сезамы справлялись, расчищая коридор в высокой траве, сквозь колючие клубки держи-дерева и ширмы мхов, свисающих с жестких, склонившихся арками змеевидных растений с завитками стеблей в форме пружины.

– Здесь не прибрано, – заметила Мрия, осматриваясь и перешагивая через сухой хворост.

Все рассмеялись.

Тимох, единственный местный, назвал зеленое листовое буйство подлеском.

«Если это – подлесок, то что творится в лесу?» – подумала Анна и повернула голову, с интересом рассматривая наряд-

ное цветущее дерево, возвышающееся над остальными растениями. Мрия тоже заинтересовалась этим местным экзотом.

«Девушкам всегда нравятся букеты, – констатировал про себя Тимох Рей, отключив сезам и бегло глянув поверх подлеска туда, куда были направлены взгляды белль. – Даже если букет тридцать метров в окружности».

Вслух пояснил:

– Это лириодендрон, тюльпанное дерево-старожил, вон какое вымахало, полсотни метров в высоту!

– Невероятно! – восхитилась Мрия. – На нем столько цветов! Они очень крупные, раз видны даже отсюда, и яркие, как огонь. Мы пройдем мимо? Хочется взглянуть на такую красоту поближе.

– Ну уж нет, к лириодендрону я вас не поведу.

– Нам в другую сторону? – поинтересовалась Анна. Тюльпанное дерево с полыхающими гроздьями цветов поразило и ее.

– Нам-то как раз в ту сторону, – сказал пилот. – Тюльпанные деревья специально высаживали по прямой между бункером и стартовой площадкой, они практически круглый год видны издалека – идеальный способ обозначить местонахождение убежища. Здесь растет только один лириодендрон, потомок первых деревьев. Значит, бункер был законсервирован лет на двадцать раньше, чем другие схроны, за местом никто не ухаживал и выжило только одно дерево. Ли-

риодендроны требуют присмотра в первые двадцать лет своей жизни, лес здесь слишком... хм, активный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.